

Проклятье
рода
Муансед

Алия Тер

Алия Тер

Проклятье рода Туансед

«Автор»

2026

Тер А.

Проклятье рода Туансед / А. Тер — «Автор», 2026

Две сестры. Одна кровь. Проклятие, что длится семьсот лет. Элеонора и Гельвия Туансед считали себя обычными алхимиками, пока их магия не вырвалась с новой силой. Лёд и Пламя. Защита и Разрушение. Но вместе с силой пришло знание страшной цены: любовь ведьмы Туансед смертельна для того, кого она любит. Когда возлюбленные сестёр оказываются под прицелом древнего зла, у них не остаётся выбора. Чтобы разорвать круг смерти, нужно не скрыть силу, а принять её. Но враг, наложивший проклятие, не мёртв. Он ждал этого пробуждения семь веков, чтобы завершить начатое. Теперь судьба рода зависит от союза огня и льда. И чтобы победить проклятие, сплетённое из самой любви, нужно найти того, кто готов стать тенью между светом и гибелью.

© Тер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тайна под половицей	5
Глава 1. Под лунным светом	13
Глава 2. Кристалл	26
Глава 3. Пламя в металле	35
Глава 4. Шёпот предков	41
Глава 5. Эхо семи веков	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алия Тер

Проклятье рода Туансед

Пролог. Тайна под половицей

Тишина деревенского дома в Уреффисе не была безмолвием пустых комнат, где время замерло навсегда. Она была живой, дышащей вместе со стенами из грубого камня и тёмного дерева. Вместе с половицами, сохранившими шаги трёх поколений алхимиков, она наполняла воздух густыми волнами, в которых шелестели страницы старинных книг. Дубовые полки тянулись от пола до потолка, теряясь среди теней. В этой тишине тихо потрескивала восковая свеча в массивном подсвечнике из почерневшего серебра. Её пламя вздрагивало от малейшего сквозняка, просачивавшегося сквозь щели в ставнях. Мягкий стук карандаша по деревянной поверхности стола, исписанной за долгие годы, дополнял этот уютный, почти мистический покой.

Две маленькие девочки склонились над листами грубой бумаги и рисовали круги. Эти круги должны были стать алхимическими символами.

Элеонора и Гельвия сидели напротив друг друга, разделённые узким столом. Их локти почти касались, а дыхание смешивалось в тёплом воздухе комнаты. Пахло воском, старой бумагой и лавандой, пучки которой свисали под потолком. На щеках сестёр виднелись тёмные полосы графита, тянувшиеся от скул к подбородку. У Гельвии даже кончик носа почернел — она поправила упавшую прядь влажной от усердия рукой. Глаза обеих девочек светились сосредоточенностью. Элеонора прикусила губу, выводя замысловатую петлю, её брови сошлись на переносице. Гельвия же, напротив, слегка улыбалась — ей всегда нравился сам процесс, даже если что-то шло не по плану.

На полу, на истрёпанном ковре из овечьей шерсти, лежал ворох исписанных листов. Некоторые были смяты в комок и отброшены в угол, другие аккуратно разложены веером, создавая причудливую мозаику из символов. Эти знаки девочки придумали в своих играх. Они не подсматривали их в бабушкиных книгах и не копировали из древних манускриптов, к которым им пока не позволяли прикасаться. Символы рождались из их воображения, из глубин детской фантазии, ещё не омрачённой правилами и запретами.

Элеонора задумчиво покрутила огрызок карандаша в пальцах, затем приложила его к бумаге и провела длинную изогнутую линию, завершив сложную геометрическую фигуру. Она откинулась на спинку стула, оценивая результат. На бумаге получилось нечто среднее между паутиной и звёздным небом. Ей нравилось это. В узоре чувствовалась гармония, которую она не могла выразить словами, но ощущала всем своим существом.

— Бабушка снова уединилась в комнате, записывая рецепты, — сказала Элеонора, с досадой откладывая карандаш. Её голос звучал нетерпеливо. Она провела рукой по лбу, убирая непослушную прядь тёмно-русых волос. На коже остался тонкий чёрный след — графит смешался с испариной. — Почему она до сих пор не учит нас алхимии? Нам почти семь лет!

Слово «почти» она произнесла с выражением. До их дня рождения оставалось три недели, и Элеонора с нетерпением отсчитывала дни. Ей казалось, что седьмой год жизни знаменует начало взрослой жизни — той, где бабушка наконец раскроет свои тайны и начнёт учить их настоящему делу.

Гельвия подняла голову. Рыжие пряди, выбившиеся из туго заплетённой косы, разлетелись по плечам влажными змейками. В комнате было душно, хотя форточка оставалась открытой. Её волосы напоминали искры костра — языки пламени, застывшие в вечной неподвижности. Она долго и внимательно посмотрела на сестру. В глубине её карих глаз, обычно весёлых

и беззаботных, сегодня отражалось не только согласие с Элеонорой, но и что-то ещё. Некая скрытая тревога, которую сама Гельвия не смогла бы описать.

— И правда... — протянула она, водя пальцем по краю бумажного листа, где извивался символ, напоминающий язычок пламени. — Рано или поздно нам придётся продолжить её дело и помогать жителям деревни. Мы же не просто девочки. Мы — алхимики Туансед.

Она произнесла фамилию с трепетом, как заклинание — тихо, почти благоговейно. Имя казалось ей магическим, способным защитить от бед и болезней. Тогда девочки ещё не знали, что это имя связано не только с многовековой славой династии целителей, но и с древним проклятием. Они не подозревали, что в каждой капле крови, в каждом ударе сердца звучит эхо выбора, сделанного семьсот лет назад их прародительницей. Выбор этот был рождён в муках любви — когда одна женщина встала между жизнью и смертью ради любимого.

За тонкой стеной, в комнате с окнами на запад, где закатное солнце задерживалось дольше обычного, сидела Агнес Туансед. Раньше её спина была прямой, как струна, но годы согнули её. Последнее время она провела в одиночестве, воспитывая внучек после трагической гибели их родителей. В руках у неё была рамка с фотографией под стеклом. Тонкие пальцы, унизанные дешёвыми колечками из речного серебра, нежно скользили по гладкой поверхности, будто пытаясь прикоснуться к тем дням, когда мир казался проще и страх ещё не поселился в её душе.

На снимке две шестилетние девочки бегут босиком по весенней поляне. Их смех звучит весело и беззаботно, они запрокинули головы, ловят солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь молодую листву. Элеонора с тёмными волосами, развевающимися на ветру, напоминает тень облака, стремительно скользящую по земле. Гельвия с яркими рыжими волосами похожа на комету, оставляющую за собой смех и свет. Агнес помнила тот день. Она стояла у крыльца с полотенцем в руках, собиралась позвать девочек ужинать, но остановилась, залюбовавшись. Часто потом она жалела, что не может вернуть те мгновения.

Старая женщина долго разглядывала фотографию. Морщины на её лице, изрезанном временем и горем, стали ещё заметнее в свете одинокой свечи. За её спиной возвышались стены, сплошь уставленные книжными полками. Многие из этих фолиантов она написала сама — долгими зимними вечерами, когда дети засыпали, и можно было слышать только голос собственных мыслей. В углу комнаты, за тёмной дубовой ширмой, стояла аккуратно заправленная кровать с высоким резным изголовьем. С каждым годом Агнес находила в ней всё меньше утешения. Слишком часто её мучили тревожные сны, и слишком громко скрипели пружины, пока она ворочалась без сна.

Рядом с кроватью, на столике с выцветшей бархатной скатертью, стоял рабочий стол алхимика. Цветные кусочки мела были разложены по керамическим планшетам. Стекланные банки с измельчёнными корнями и травами мерцали в свете свечи, отбрасывая на стены причудливые тени. В центре стола лежал раскрытый блокнот с рецептами целебных мазей, но сегодня Агнес к нему не прикоснулась. Она просто слушала тишину, которая казалась оглушительной.

Мысли текли лениво, как густая патока, тяжёлые и вязкие. Она размышляла, как передать свои знания, как подготовить девочек к их будущему — не к придуманному ею, а к тому, что ждало их за порогом. Эти девочки были не просто будущими алхимиками. Они были потомками самой могущественной ведьмы в истории — Изабеллы Туансед. От этой мысли сердце Агнес сжималось стальным обручем, с каждым днём становясь всё теснее.

Она знала. С того самого момента, когда впервые взяла на руки два крошечных свёртка и ощутила, как по её пальцам пробежал необычный разряд — не электрический, а глубокий, таинственный, как подземный источник. Магия в девочках проявится рано или поздно. Это

была не просто догадка, а твёрдая уверенность, основанная на опыте и интуиции, которая никогда её не подводила.

Знание не принесло покоя. Ледяное предчувствие пробежало вдоль позвоночника, заставляя спину выпрямиться, а плечи напрячься. Она не видела будущего в деталях, не знала точных дат или имён. Но её древняя интуиция, дар, переданный по женской линии от самой Изабеллы, настойчиво предупреждала об опасности. О тени, сгушавшейся на горизонте. О древнем зле, веками дремавшем и теперь пробуждавшемся в ответ на пробуждение истинной крови Туансед.

Агнес поставила фотографию на стол, повернув её к себе, чтобы лица внучек всегда были перед глазами. Затем осторожно открыла потайной ящик в массивной столешнице. Её пальцы нащупали едва заметную щель, куда она надавила с определённым усилием. Механизм, созданный её дедом, бесшумно освободил защёлку. Агнес действовала медленно, почти с трепетом, будто боялась потревожить что-то важное.

Она вытащила старый кожаный дневник в серебряной оправе. Время оставило на обложке свои следы: кожа потрескалась, местами обсыпалась, обнажая жёсткий картон. Но серебряные уголки всё ещё блестели — Агнес полировала их каждый раз, когда брала дневник в руки. Пожелтевшие страницы хранили записи, зашифрованные кодом, известным только ей.

Агнес взяла перо, окунула его в чернильницу из горного хрусталя и начала писать. Чернила ложились неровными линиями, словно её рука дрожала от внутреннего напряжения. Каждое слово, которое она доверяла бумаге, было наполнено глубоким смыслом. Она рассказывала о своём сне: кровавая луна над лесом, чёрные корни деревьев, тянущиеся к дому, и две фигуры — одна, светящаяся золотым пламенем, и другая, окутанная ледяным сиянием. Она писала о страхе, который не покидал её, о надежде, которая меркла, и о любви, которая могла стать единственным щитом против грядущей тьмы.

Закончив, Агнес закрыла дневник. Прикоснулась пальцами к изящному узору на обложке — переплетённым ветвям дуба и терновника — и замерла, прислушиваясь к голосам внучек в соседней комнате. Гельвия громко спорила с Элеонорой о правильности какого-то символа. Их голоса звучали беззаботно и живо. Они ещё не догадывались, что их ждёт впереди.

Агнес убрала дневник в тяжёлую шкатулку из чёрного обсидиана. Камень, отполированный до зеркального блеска, поглощал свет свечи, не отражая его. Внутри, на бархатной подушке, дневник уместился в специальное углубление, словно в гроб. Закрыв крышку, она провела по ней ладонью и спрятала шкатулку в тайник под половицей. Доски там были вырезаны так искусно, что шов оставался незаметным даже при дневном свете. Агнес задвинула ящик, заперла его ключом на тонкой цепочке и выпрямилась.

Всё, что она могла в этот момент, было сделано. Знание будущего казалось ей иллюзией, лишь умножающей страха. Но вера — в их мудрость, в то, что девочки когда-нибудь найдут дневник, прочтут эти строки и примут верное решение — оставалась её опорой.

Агнес вздохнула. Вместе с выдохом из неё вырвались слёзы. Они медленно стекали по щекам, оставляя влажные следы. Старуха вытерла их тыльной стороной ладони, но слёзы не останавливались. Они текли от переполнявшей её любви, не находя другого выхода. Страх сжимал сердце ледяными тисками, но решимость была сильнее. Она знала: есть истины, слишком тяжёлые для тех, кто к ним не готов. Но и молчание — это выбор. Оставляя девочек в неведении о проклятии, она давала им детство. Спокойные ночи без кошмаров. Радость без тени. Сегодня Агнес выбрала надежду.

Она поднялась, расправила плечи и одёрнула сползшую на локоть шаль. Затем решительно направилась к двери. В коридоре с выцветшими обоями, украшенными растительным узором, она на мгновение остановилась, прислушиваясь к голосам внучек. После её шагов тишина сменилась шёпотом. Девочки оживлённо обсуждали что-то, переговариваясь так громко, как могут дети, уверенные, что их никто не слышит.

— Гельвия! Элеонора! Идите сюда! — позвала бабушка.

Голос её, отражаясь от высокого потолка, звучал твёрдо, как обычно, когда она отдавала распоряжения. Но в этой твёрдости чувствовалась скрытая дрожь — не от старости, а от напряжения. От надежды, которая в тот момент казалась Агнес такой хрупкой и невесомой, словно паутина, готовая порваться от малейшего дуновения ветра.

В коридоре раздался топот босых ног. Сёстры одновременно выскочили из гостиной, толкаясь в дверях. Юбки домашних платьев развевались, мешая бежать, щёки покраснелись от спешки. Гельвия вырвалась вперёд, но споткнулась о половицу и чуть не упала, схватившись за косяк. Элеонора, воспользовавшись заминкой, обогнала сестру и первой подбежала к бабушке.

— Мы здесь! — выдохнула она, отдышавшись. — Что случилось?

— Тихо, тихо, — Агнес положила руку на растрёпанную голову Элеоноры, другой мягко отстранила подбежавшую Гельвию, чтобы избежать столкновения. — Следуйте за мной.

Она повернулась и пошла в библиотеку. Девочки молча последовали за ней, их шаги мягко стучали по тёплым половицам. В воздухе витал аромат пыли и старого дерева — запах, который они знали с детства.

Агнес подошла к дубовому шкафу, достигавшему потолка. Его резные дверцы были слегка приоткрыты, показывая ряды книг в кожаных переплётках — одни потрескались от времени, другие блестели новыми тиснёными корешками. На средних полках лежали свитки, перевязанные льняными лентами, а внизу стояли стопки бумаг с мелким, аккуратным почерком.

Она достала с верхней полки маленький сундучок из красного дерева. Его поверхность украшала изящная резьба: по углам вились виноградные лозы, на крышке был вырезан сложный алхимический круг с семью концентрическими окружностями. Сундучок оказался тяжёлым — девочки заметили, как напряглись руки бабушки, когда она осторожно опустила его на стол.

— С этого дня я буду учить вас алхимии, — объявила Агнес. — Вы уже достаточно взрослые, чтобы начинать.

Она говорила тихо, взвешивая каждое слово, будто знала: эти минуты — начало пути, с которого не свернуть. Её пальцы коснулись крышки сундучка, но не спешили открыть её. Она смотрела на лица девочек, напряжённые от любопытства.

— Алхимия, — сказала Агнес, — это не только символы и зелья. Это не просто круги и формулы. Как и любая наука, она сложна и многогранна. Но у нашего рода Туансед есть нечто особенное. То, что отличает нас от других.

Она замолчала, давая словам улечься в детских умах. Затем медленно, почти торжественно, открыла сундучок.

На бархатной подушке цвета тёмной вишни, украшенной серебряной нитью, лежал камень. Он был прозрачен, как горный хрусталь, но в его глубине переливались все оттенки радуги. Пламя свечи, отражаясь от граней, рассыпалось на тысячи искр. Внутри камня, казалось, оживало небо — облака, зарницы и далёкие звёзды, которые никогда не угасали.

— Это философский камень, — произнесла Агнес, осторожно взяв его двумя пальцами. Камень засиял мягким, холодным светом — не слепящим, а успокаивающим, как лунный свет в безветренную ночь. — Он усиливает способности алхимика и многократно увеличивает его возможности. Даже самый неопытный ученик с его помощью способен на то, что опытному мастеру не под силу.

— Бабушка, а философский камень разве не красный? — тихо спросила Гельвия, не сводя глаз с сияющего кристалла. Её зрачки расширились, в них отражалось мерцание граней.

— Мы читали, что он красный, — добавила Элеонора. В её голосе слышалось недоумение — она не любила, когда факты из книг расходились с тем, что она видела собственными

глазами. — В «Трактате о высшей алхимии» говорится, что камень цвета запёкшейся крови. Почему он разноцветный?

Агнес улыбнулась — улыбкой, в которой читались прожитые годы, скрытая боль и надежда, слишком большая для её возраста.

— Легенда о философском камне уходит вглубь веков, когда первый алхимик, Даррел Хельсен, создал его в своей лаборатории на вершине Забытой Горы, — начала она. — Первоначально камень был красным. Цветом огня, крови, жизни. Но последователи Даррела, поколения алхимиков, изучавших его труды, изменили его состав и свойства. Они стремились сделать его мощнее и универсальнее, приспособив для разных школ магии. Сегодня существует множество вариаций — камень цвета морской волны, янтарный, даже чёрный, как ночь. У нас же — один из самых мощных вариантов.

Она положила камень на ладонь Элеоноры.

Девочка вздрогнула. Камень оказался неожиданно тёплым, почти живым. В нём будто билось крошечное сердце. По коже Элеоноры пробежали мурашки — не от холода, а от странного чувства. Казалось, внутри неё что-то проснулось, потянулось и ожило.

Элеонора осторожно коснулась камня пальцами. Тепло медленно поднималось по её руке — к плечу, к шее, к затылку. Внезапно она услышала... нет, не звук, а вибрацию. Это был её собственный пульс. Она никогда раньше не ощущала его так ясно — ритмичный, сильный, пульсирующий. Будто до этого момента она жила вполсилы, а теперь вдруг включилась на полную мощность.

Гельвия, не удержавшись, протянула руку. Её пальцы, испачканные графитом, коснулись камня рядом с пальцами сестры. Их ладони соприкоснулись — и в тот же миг между ними вспыхнула искра. Яркая, синяя, ослепительная, как молния в ночи. Искра вырвалась из камня, коснулась воздуха и исчезла, оставив запах озона и жжёной меди.

Девочки вздрогнули, их глаза расширились. Но они не отдернули рук. Камень засиял ярче. В его глубине переплетались и пульсировали два цвета: холодный синий и горячий алый.

В тот же миг на лбу Элеоноры, у линии роста волос, появилась тонкая ледяная трещина. Она не болела, лишь холодила кожу, как зимний поцелуй. Трещина блеснула серебром и исчезла, но девочка успела ощутить, как её сердце дрогнуло. Внутри зародилось странное предчувствие — словно кто-то невидимый дал ей обещание, и это обещание было тягостным.

Гельвия инстинктивно отдернула руку — её собственные пальцы вдруг стали горячими, словно она держала их над пламенем свечи. В глазах мелькнул страх: не только за сестру, но и за себя.

— Нет! — вдруг громко и резко выкрикнула Агнес, нарушая тишину комнаты. Она быстро и осторожно схватила девочек за запястья, разнимая их руки. Её лицо побледнело — не от гнева, а от страха. Того самого страха, который она давно прятала в себе. — Никогда не соединяйте силы, держа философский камень. Вы меня слышите? Никогда.

Девочки испуганно кивнули. Гельвия прикусила губу, ощущая, как слёзы подступают к глазам — не от боли, а от недоумения. Бабушка никогда не кричала на них. Никогда. И этот внезапный, пронзительный крик напугал их больше, чем любая страшная история.

Агнес вздохнула, смягчая черты лица. Её пальцы расслабились, нежно касаясь запястий внучек — там, где остались красные отметины. Но в глазах затаилась тревога, которую она не могла и не хотела скрывать.

— Простите меня, мои хорошие, — произнесла она дрогнувшим голосом. — Это... не ваша вина. Некоторые соединения пока слишком опасны для вас. Вы ещё не готовы. Обещайте мне, что больше не будете делать этого без меня. Без моего присутствия. Без моего разрешения.

— Обещаем, бабушка, — прошептали сёстры в унисон. Элеонора потупила взгляд, Гельвия прижалась к бабушкиному плечу.

Агнес обняла их с такой силой, как обнимают перед долгой разлукой. В этом объятии слились страх, надежда и любовь, способная победить любое проклятие.

Пятнадцать лет Агнес вела девочек по пути знаний. Они начинали с простых кругов на полу кухни, а затем переходили к сложным преобразованиям, где каждый символ и линия имели значение. Девочки не просто запоминали рецепты и формулы — они ощущали их на себе. Когда они смешивали ингредиенты в ступке, пальцы ощущали едва заметную вибрацию. Каждый символ, выведенный на пергаменте, изменял воздух вокруг: то сгущал его, то делал прозрачнее. Магия проникала в их тела и души, как вода в песок — незаметно, но неизбежно.

Но вместе с освоением алхимии в девочках просыпалась древняя сила — та самая, которая делает их истинными наследниками. Магия льда и пламени.

По ночам, когда бабушка думала, что внуки спят, они тайком пробирались во двор. Босиком, по холодной росе, они уходили в дальний угол сада за старой яблоней — туда, где их никто не мог увидеть. Элеонора создавала хрупкие снежинки, которые сверкали в июньских сумерках холодным серебряным светом. Они кружились вокруг её пальцев, не таяли и падали на траву, где лежали до утра, пока солнце не уничтожило их. Гельвия зажигала искры. Они вспыхивали у неё на ладони, как светлячки, и гасли, оставляя запах жареного миндаля и тлеющих углей.

Девочки смеялись, пленённые своим волшебством, не ведая, что каждое их чудо приближало пробуждение силы в их крови. Не догадываясь, что в глубине леса, вдали от Уреффиса, кто-то уже давно ждал этого момента.

За годы, что ей были отпущены, Агнес взрастила двух выдающихся алхимиков. Уже в юном возрасте они превзошли её в мастерстве. Их руки были точны: ни единого лишнего движения, когда требовалось добавить три капли эссенции вместо четырёх. Их умы были остры: они находили решения там, где Агнес заходила в тупик. Их сердца были чисты: они помогали жителям деревни не ради выгоды, а по зову сердца. Они стали её гордостью, опорой и последней надеждой перед лицом тьмы, которая с каждым днём становилась всё более явной.

С каждым годом Агнес наблюдала, как их магия усиливается. У Элеоноры от сильных эмоций вокруг пальцев появлялся лёд — тонкая, изящная корка, способная за мгновение покрыть чашку с чаем, если девочка злилась или грустила. Гельвия же могла случайно поджечь край платья — ткань тлела, не воспламеняясь полностью, но запах гари разносился по всему дому. Агнес тщательно записывала каждое проявление в свой тайный дневник, пряча его в шкатулку из обсидиана. Она шифровала даты, описывала обстоятельства и пыталась найти закономерности. С каждой новой записью она осознавала всё яснее: время уходило. А защиты от надвигающейся угрозы так и не было найдено.

Только вот старость не щадит даже великих.

Болезнь подкралась незаметно, как тень в полдень. Сначала её не замечаешь, но потом вдруг понимаешь, что она уже здесь. Сначала появилась усталость, которая не проходила даже после самого долгого сна. Агнес просыпалась разбитой, будто всю ночь таскала тяжёлые камни. Затем пришла боль — глухая, ноющая, засевшая в суставах, позвоночнике и груди. Она не утихала ни от каких отваров, даже самых сильных, которые готовили внуки. Агнес чувствовала, как жизнь покидает её, как песок сквозь пальцы. Каждое утро становилось подарком, каждый вдох — победой. Смерти она не боялась. Она повидала слишком много, чтобы бояться конца. Её страшила лишь одна мысль: оставить их одних. Огонь и лёд, которые не научились гореть и таять вместе. Сёстры, не знавшие, что их любовь может разрушить всё.

Внуки старались изо всех сил. Они отправлялись в лес за редкими травами, куда раньше не ходили без бабушки. Варили сложные зелья по древним рецептам из фолиантов с предупреждениями красными чернилами. Читали заклинания, которые придумывали сами, импровизировали, надеясь, что интуиция заменит знания. Но всё было напрасно. Старость не излечить

зельями. Это не болезнь. Это неизбежный закон, перед которым бессильны даже алхимики с философским камнем.

Артефакт, переходивший по женской линии в роду Туансед, всё ещё хранился в сундуке из красного дерева. Он способен был продлить жизнь, подарить несколько дополнительных месяцев. Но остановить время он не мог. Время неумолимо текло, и ни у кого не было власти повернуть его вспять.

Когда Агнес лежала на смертном одре, её тело почти не слушалось, но глаза оставались ясными. Она попросила принести любимое кресло к окну — то самое, с вышитой подушкой, сделанной её руками в молодости. Внучки переставили кресло, усадили бабушку и укутали в плед. Солнце клонилось к закату, заливая комнату мягким золотистым светом. В этом свете морщины на лице Агнес не казались знаками увядания — они выглядели как карта прожитой жизни.

Она смотрела на внучек, стоявших рядом и положивших руки на подлокотники кресла. Её глаза блестели от слёз, но это были слёзы любви, а не страха.

— Девочки, — произнесла она тихо. Голос, ослабленный болезнью, дрожал, но в нём звучала твёрдая уверенность. — Я верю в вас. Вы станете выдающимися алхимиками. Сделайте много добра нашей деревне и всему миру. Продолжайте учиться. Помогайте людям. Не закрывайте сердца даже в трудные моменты.

Она с трудом подняла руку, которая когда-то держала скальпель с невероятной точностью. Теперь эта рука дрожала, не справляясь даже с ложкой. Пальцы коснулись ладоней внучек, переплетённых над одеялом. Холодные, почти ледяные, они излучали столько тепла, сколько не бывает даже в самом жарком пламени.

— Ваша сила не в том, чтобы быть похожими, и не в том, чтобы отличаться, — продолжала она, и каждое слово давалось с трудом, будто она поднимала тяжёлые камни. — Ваша сила в том, чтобы ваши чувства были сильнее чужой воли. И когда придёт время... вы поймёте, на что способны.

Сёстры крепко обняли бабушку. Обе сразу прижались к её плечам и вдохнули знакомый запах лаванды и воска. Этот аромат навсегда останется для них запахом дома. Они не знали, что однажды эти мгновения станут их спасением, когда тьма подступит ближе.

Они верили в силу магии, в загадочные круги и формулы, в философский камень, который ждал своего часа в сундучке. Но истинная сила заключалась в простых вещах: в том, как Гельвия прижималась щекой к плечу Элеоноры, а та гладила её рыжие волосы, как делала это с детства. В этих прикосновениях не было магии — только любовь. Та самая любовь, которую проклятие пыталось превратить в оружие. Но она оказалась сильнее.

— Мы не подведём тебя, бабушка, — решительно произнесла Элеонора. Голос дрожал, но в этой дрожи чувствовалась твёрдость.

— Мы продолжим ваше дело, — добавила Гельвия, сжимая руку Агнес, словно передавая ей свою неиссякаемую энергию.

Силы покидали Агнес. Дыхание стало слабым, поверхностным, глаза потускнели, будто огонь, который всегда горел в них, угас. Губы дрогнули в последний раз, словно пытаясь что-то сказать, но не смогли — только тихий выдох растворился в вечернем воздухе.

Несколько минут спустя Агнес Туансед закрыла глаза навсегда.

Дом окутала тишина — не живая, как раньше, когда в нём ощущалась энергия жизни, а тяжёлая, гнетущая. Словно душа покинула стены. Под половицей в обсидиановой шкатулке лежал дневник, скрывающий тайну, которую ещё предстояло раскрыть. Тайну, способную изменить всё.

Весь Уреффис собрался в деревенской часовне, чтобы попрощаться с Агнес. Люди стояли тихо — плотники, кузнецы, ткачихи, пекари, старики и дети. Все знали Агнес. Каждый хотя бы раз обращался к ней за помощью или советом. Все были ей благодарны. Гроб из светлого

дуба, сделанный лучшим плотником деревни, возвышался, украшенный полевыми ромашками и васильками, собранными Гельвией на лугу за рекой.

У гроба стояли две девушки в чёрных платьях. Им было по двадцать два года. Они смотрели на бабушкино лицо — спокойное и просветлённое, — и в их взглядах горела решимость. Та самая, что зажглась в последний миг прощания. Они знали: впереди предстоят испытания. Возможно, даже угрозы, о которых они пока не догадываются. Но они были к этому готовы.

Потому что они — Туансед.

А их история только начиналась.

Глава 1. Под лунным светом

Дни в Уреффисе шли спокойно, как ручей по камням. Всё вокруг дышало размеренно и предсказуемо. Деревня пряталась от суеты мира за живой завесой природы. С севера её закрывали Скалы Тихого Ветра — высокие гранитные гиганты, чьи вершины терялись в облаках. С юга текла Река Серебряная Пыль. Её прозрачные и холодные воды несли свои тайны к морю. Дома строили из светлого камня и тёмного дерева. На окнах были резные наличники, а крыши из черепицы уже покосились от времени.

Времена года сменяли друг друга мягко, не нарушая покоя, создавая вечный круговорот жизни. Весна пахла чабрецом и мокрой землёй, летом приносило ягоды и горячий хлеб, осень окрашивала долину в золотисто-багряные тона, а зима укрывала всё белоснежным покрывалом, изредка прерываемым треском поленьев в печи. Даже в этом уютном ритме, где все жители знали друг друга с детства, семья Туансед выделялась. Не громкостью, не богатством. Их присутствие ощущалось иначе — глубже, значимее, словно постоянная, но ненавязчивая мелодия, ставшая частью жизни деревни.

Дом Туансед стоял на небольшом холме, чуть в стороне от центральной площади. Его окружали высокие голубые ели и старые яблони, посаженные прабабушкой Дафной. Невысокий деревянный забор, выцветший и увитый плющом, тянулся вокруг участка. Он не защищал, а тихо приглашал: здесь было особое место, где время текло иначе.

Оттуда всегда доносился аромат трав: горьковатая полынь, сладковатая мелисса и терпкий зверобой. Люди приходили сюда с болью в теле и душе и всегда находили помощь. Не волшебную, а в виде терпеливого труда, знаний и умения слушать.

Прошло два года с тех пор, как ушла Агнес Туансед, бабушка, в одиночку вырастившая своих внуков. Теперь дом снова ожил, наполнившись тихой, сосредоточенной жизнью. Две девушки, воспитанные под её строгим, но любящим присмотром, стали опорой для всей деревни. К ним обращались за советом старейшины, за помощью больные и за утешением те, кто переживал утрату. И ни разу за эти годы они никому не отказали.

Гельвия и Элеонора отличались, как день и ночь, но это и делало их неразлучными. Гельвия легко находила общий язык с людьми, её смех развеивал грусть. Элеонора предпочитала тишину лаборатории: она смешивала травы, рисовала круги и искала новые комбинации. Она знала каждую травинку, каждый камень и каждый символ. Вместе они были как две руки, составляющие одно целое.

И всё же, несмотря на зрелость и уважение, которым их окружали, в этот день — день праздника Лунного дракона — они чувствовали себя почти детьми. Не наивными, годы заботы не позволяли им быть такими. Но свободными. Свободными от необходимости быть «алхимиками Туансед», от ожиданий, от груза наследия — хотя бы на один вечер.

Девушки уже давно перестали быть просто сёстрами. Они родились в один день, в один час, под одну луну. Их связь была глубже крови — она была в каждом взгляде, в каждом жесте, в молчании, которое не нужно заполнять словами.

Гельвия — это огонь, пламя, искра. Её рыжие волосы, словно сотканые из лучей закатного солнца, вечно растрепаны ветром. Глаза цвета горного озера смотрят на мир с вызовом и интересом. Она громко смеётся, быстро говорит и движется, будто боится упустить мгновение. Сомнения ей не знакомы — она сначала действует, а потом размышляет.

Бабушка Агнес однажды сказала ей: «Ты как пламя камина — согреваешь всех вокруг, но обжигаешь тех, кто подходит слишком близко». Гельвия лишь рассмеялась, но слова запомнила.

Элеонора — воплощение льда, тишины и глубины. Её тёмно-русые волосы струятся мягко, как тени под деревьями. Серо-зелёные глаза хранят невысказанные тайны, в которые

даже самые близкие не решаются заглянуть надолго. Она говорит немного, но каждое её слово, как капля росы на паутине: хрупкое, но наполненное весом мира. Элеонора не стремится быть в центре внимания — она просто есть. Бабушка говорила: «Младшая внучка похожа на зимнее озеро: её спокойная гладь скрывает бездну силы, заключённой в хрустальном льду». Элеонора понимала это.

Их красота была тихой, но её невозможно было не заметить. В их чертах читались следы усталости от бессонных ночей, проведённых над алхимическими кругами, и заботы о чужих проблемах. Именно это делало их по-настоящему живыми. Жители Уреффиса видели в них защиту, надежду и тепло. Сегодня, в честь праздника, эти девушки хотели быть просто... собой. Они хотели смеяться без причины, танцевать под музыку и чувствовать прикосновения чужих рук — не как целитель к пациенту, а как к равному.

Гельвия ворвалась в дом, как вихрь, нарушая утреннюю тишину. Дверь с лёгким скрипом отворилась, впуская аромат цветущего луга и свежий ветер. Её лицо пылало от быстрой ходьбы, глаза горели восторгом, а в руках она держала букет полевых цветов.

— Ты только представь! Сегодня вечером на площади будет праздник! Приехали маги-иллюзионисты из города. Говорят, покажут танец Лунного дракона! Вся деревня придёт!

Элеонора стояла у плиты с деревянной ложкой. Она тихо помешивала травяной отвар из Melissa, мяты и лаванды. Отвар шипел, поднимая вверх тонкие спирали пара.

— И что? — спокойно спросила она. Её губы тронула лёгкая улыбка. — Мы же не дети, чтобы бежать на каждый праздник.

— Не дети? — Гельвия подошла ближе, положила цветы на стол и обняла сестру за плечи. — Может, и не дети, но когда мы в последний раз ходили просто так? Без цели, без дела? Без причины?

Элеонора замолчала. Сестра была права. Последние месяцы они потратили на бесконечные зелья и рецепты. Урожай оказался скудным, и многие в деревне заболели. Сёстры работали без усталости. Они забыли, что такое просто быть. Просто дышать, не думая о завтрашнем дне и тех, кому нужно помочь.

— Хорошо, — наконец сказала Элеонора, выключая огонь под котелком. — Пойдём. Сначала помоги мне убрать. Я не смогу успокоиться, пока всё не сделаю.

Гельвия радостно вскрикнула и схватила тряпку. Элеонора покачала головой, но глаза её светились благодарностью. Иногда безудержная энергия сестры напоминала ей, что жизнь не только долг и заботы.

Когда солнце закатывалось, окрашивая небо в медово-лиловые тона, сёстры вышли из дома. Гельвия первой ступила на крыльцо, и старая доска скрипнула под её ногой. Следом вышла Элеонора, притворив дверь за собой. На них были не парадные наряды, а те, что они берегли для особых случаев.

Гельвия выбрала платье цвета спелой вишни с золотыми листьями дуба на груди и рукавах. На шее у неё висела тонкая золотая цепочка с крошечным подвесом в форме пламени. Это был подарок бабушки. Гельвия всегда считала, что украшения не скрывают красоту, а подчёркивают её.

Элеонора выбрала простое, но элегантное платье из темно-сиреневого льна. Ткань была легкой и мягкой, словно невесомая, переливаясь на свету, как иней на стекле. На пояс она повесила маленький мешочек с травами — привычка, от которой не могла избавиться даже в праздник. Однако сегодня она оставила дома самые мощные снадобья, взяв только успокаивающие. Сегодня решила позволить себе быть уязвимой.

Они пошли вниз по тропинке. Справа от них тянулся старый плетень, увитый жимолостью. Слева за невысокой оградой паслись овцы — кто-то из соседей не загнал их ещё. Земля под ногами была мягкой, припорошённой прошлогодней хвоей, которая и в конце лета не исчезала с тропы.

Площадь встретила их гомоном. Воздух наполняли ароматы цветущего шиповника и душицы. Смех детей, звон посуды и музыка сливались в уютный гул. Люди уже подтягивались. В воздухе витали запахи жареных пирогов, травяного чая и воска свечей.

Гельвия остановилась, едва ступив на площадь. Её взгляд сразу же выхватил тех, кого она искала. У старого каменного фонтана стояли двое юношей.

Фонтан не работал уже лет пять — с тех пор, как пересох родник под горой. В его чаше лежали засохшие лепестки и скопилась дождевая вода, в которой отражалось закатное небо. Парни стояли у самого края, опираясь на шершавый гранит.

Один из них — высокий, широкоплечий парень с густой копной рыжих волос. Это Рон, сын кузнеца. Он был настоящим мастером своего дела, но в душе оставался вечным мечтателем. Его смех, искренний и заразительный, заставлял Гельвию невольно улыбаться.

Рядом стоял Фред. Стройный и элегантный. Его русые волосы лежали так, будто их только что уложил придворный парикмахер, хотя до ближайшего города было три дня пути верхом. Он что-то говорил Рону, плавно жестикулируя тонкими пальцами — без перстней, без украшений, только чистая кожа, аккуратные ногти. Его поза была расслабленной, но во взгляде, устремлённом на приближающихся девушек, читалось нетерпение.

Отец Фреда владел торговой лавкой и учил сына точности во всём — в подсчётах, в сделках, в движениях. Но сам Фред с детства увлекался другим: он любил наблюдать за людьми. Стоять в стороне, смотреть, как они двигаются, говорят, улыбаются. В этом занятии была своя игра — словно он пытался угадать следующий шаг собеседника на два хода вперёд.

— Давно мы с ними не виделись, да? — тихо спросила Элеонора, замедляя шаг. Трава под её ногами уже сменилась брусчаткой, и подошвы легонько стучали по камню.

— Да, — Гельвия поправила выбившуюся прядь. — Хотя Фред тоже изменился. Ты замечаешь?

Элеонора не сразу ответила. Она чувствовала на себе взгляд Фреда — тёплые зелёные глаза, слишком пристальные. Он всегда был частью её детства, тем тихим присутствием, что оставалось рядом, пока они с сестрой не ушли с головой в алхимию. К нему она испытывала лишь спокойную симпатию, как к старому другу, но её сердце оставалось холодным и неподвижным. Между ними никогда не вспыхивала та искра, то невидимое притяжение, что заставляет души тянуться друг к другу вопреки разуму.

Страх перед собственными чувствами вынуждал её возводить вокруг сердца незримые ледяные бастионы — крепость, чей холод ещё никому не удавалось растопить.

Парни заметили их почти сразу. Рон первым поднял голову и тут же поперхнулся, закашлявшись. Фред замер на полуслове, а затем тоже обернулся. Когда его глаза встретились с глазами Элеоноры, он улыбнулся. Той самой улыбкой — мягкой, тёплой. В ней читалось искреннее восхищение, не игра, а давнее, выношенное чувство. Так улыбаются человеку, о котором думают каждую ночь перед сном.

Они подошли.

— Неужели алхимики Туансед почтили нас своим присутствием? — с лёгким смехом произнёс Рон.

Фред молчал две лишние секунды — просто смотрел на Элю, будто пытался запомнить каждую чёрточку её лица. Потом шагнул вперёд, сокращая расстояние до одного шага.

— Говорят, красота ослепляет, — произнёс он тихо. Голос его был мягким, почти шёпотом, но в интонации звучало что-то большее, чем простое восхищение. — Но я вижу лишь одну, ради которой стоит потерять зрение.

Он сделал паузу, подбирая слова. В его взгляде, устремлённом на Элю, не было холодной расчётливости. Там была долгая, привычная тоска человека, который смотрит на что-то прекрасное и хочет иметь это только для себя. Собственническая нотка — ещё не опасная, но заметная: лёгкое сжатие губ, короткое напряжение челюсти, когда Рон невольно шагнул ближе

к Гельвии, и Фред на секунду перевёл взгляд на него — не ревниво, но оценивающе, словно прикидывая дистанцию.

— Ты стала ещё прекраснее, Эля, — добавил он и сделал ещё полшага.

Воздух между ними стал плотнее. Фред взял её за руку — осторожно, почти благоговейно, но пальцы его сомкнулись чуть сильнее, чем следовало, словно он боялся, что она исчезнет. Он наклонился и поцеловал тыльную сторону её ладони. Поцелуй длился на мгновение дольше этикета, и Эля почувствовала тепло его губ — приятное, но чужое. Он выпрямился, не отпуская её руки сразу. В его улыбке была только искренняя радость от её присутствия и едва скрываемое желание, чтобы этот вечер принадлежал им двоим.

Гельвия наблюдала за этим жестом и улыбнулась — тепло, даже с некоторой нежностью. В её глазах не мелькнуло и тени тревоги. Напротив, она восприняла проявленную Фредом близость как должное: её сестра достойна самого лучшего, а то, как Фред смотрит на Элю, казалось Гельвии естественным проявлением должного восхищения.

Гельвия кивнула, не колеблясь.

— Только если вы обещаете не утомлять нас рассказами о кузнечном деле, — поддразнила она, тронув Рона за рукав.

— А я обещаю не утомлять вас торговыми ценами, — парировал Фред, но его глаза оставались на Элеоноре. В его голосе сквозила лёгкая ревность к тому, как легко Рон нашёл общий тон с Гельвией — и как трудно ему самому было пробить лёд в Элином взгляде.

Все рассмеялись: Гельвия — громко и заливисто, Рон — басовито и смущённо, а Фред — скромно, чуть наклонив голову, но не сводя глаз с Элиного профиля.

Они отправились гулять вчетвером — сперва по центральной площади, потом свернули к торговым рядам, где уже расставили свои лотки ремесленники. Фонарики уже зажгли: маленькие масляные лампы в жестяных коробах с вырезанными звёздами. Свет падал на землю узорчатыми тенями.

Рон и Гельвия шли впереди. Он что-то рассказывал, размахивая руками, а Гельвия смеялась, запрокинув голову. Её рыжие волосы колыхались при каждом шаге.

Фред пристроился рядом с Элеонорой — не вплотную, но достаточно близко, чтобы их локти почти касались. Он замедлял шаг, когда она замедляла, ускорялся, когда она ускорялась. Это не было случайным совпадением — он подстраивался, и делал это бессознательно, как человек, который долго учился двигаться в такт с другим.

— Ты сегодня молчалива, — заметил он, наклоняясь к её уху.

— Задумалась, — коротко ответила Эля.

Они вышли к импровизированной сцене — дощатому помосту, который поставили на площади специально для магов. У его подножия толпились дети, привстав на цыпочки. Старухи сидели на принесённых с собой табуретах, перед ними на траве расстелили платки с пряниками.

Маги-иллюзионисты уже начали своё представление. Их было трое — двое мужчин и одна женщина в длинном багровом плаще. Они двигались плавно, словно плыли над землёй, и их жесты втягивали зрителей в танец света.

В центре площади возник огромный дракон, сотканный из лунного света и теней. Он не имел чешуи, но каждая его часть переливалась мерцающей дымкой. Дракон изгибался, вздыхал, и его дыхание рассыпалось серебряными искрами, которые гасли, не долетая до земли.

Элеонора невольно задержала взгляд на краю площади, где мелькнул силуэт — высокий, с волосами, отливающими холодным серебром, глаза вмещали в себя всю красоту ясного голубого неба. Его руки едва заметно дрогнули в такт танцу, и теневая часть дракона откликнулась, извившись особенно плавно, словно чувствуя скрытую силу хозяина.

На мгновение их взгляды встретились сквозь пеструю толпу, и время будто остановилось. В этом коротком столкновении глаз вспыхнула незримая искра — внезапное, острое притяже-

ние, от которого по спине пробежали мурашки, а воздух между ними словно стал гуще и насыщеннее. Это было похоже на тихий удар тока. Но в следующий же миг он растворился в тенях.

Фред мягко сжал её пальцы, возвращая к реальности, и Элеонора отвела взгляд, вынужденно улыбнувшись ему.

Наверное, показалось...

Гельвия и Рон тем временем отошли к краю площади, туда, где брусчатка сменялась грунтовой тропой, а та вела в лес. Рон остановился у старой скамьи, стоявшей под раскидистой ивой. Скамья была деревянной, с прогнутыми досками, но чистой — кто-то успел вытереть её перед праздником.

— Расскажи о себе, — попросил Рон с такой искренностью, что Гельвия почувствовала внезапную тревогу. Не страх, а что-то глубокое и волнующее. Такие взгляды обнажают душу, и не каждый готов показать свою уязвимость.

— Я знаю, что вы великие алхимики. Все в деревне об этом говорят. Но кто *вы*? Что вам нравится? О чём вы мечтаете по ночам?

Гельвия задумалась, глядя на луну. Затем начала рассказывать — не о том, что говорила всем, а о настоящем. О детстве, когда они с сестрой бегали босиком по росе, собирая травы до рассвета. О бабушке Агнес — строгой, но справедливой, которая учила их не только смешивать травы, но слушать людей и видеть боль за словами. О том, как они часами чертили алхимические круги на песке у реки, не зная, что это начало пути, который изменит их жизнь. И, наконец, о родителях — о тех, кого они не знали.

— Мариэлла и Эклипс, — произнесла девушка. Имя матери прозвучало как молитва, имя отца — как обещание. — Мы не помним их. Бабушка рассказывала об этом с болью, но без слёз. Она говорила, что слёзы не вернут их, а память сохранит. Мама умерла при родах. Не от болезни или слабости, а потому что отдала всю свою силу, чтобы мы появились на свет. Папа не смог жить без неё. Он долго болел — не телом, а душой. Через год он ушёл вслед за ней.

Голос девушки дрогнул. Рон молча обнял её, не как утешение, а как признание.

И в этот момент произошло нечто особенное.

Их губы соприкоснулись. Это был короткий поцелуй — робкий со стороны Рона, мягкий со стороны Гельвии. В нём были надежда, страх и доверие. Проходные гуляния рядом не играли музыку, но Гельвии казалось, что она слышит мелодию.

А потом пришло тепло.

Сначала — едва уловимое мерцание у их ног, будто кто-то зажёл спичку в темноте. Рон отпрянул, с удивлением глядя вниз. Из земли поднялся одинокий цветок, мягко раздвигая травинки. Его бутон был плотно сжат, как будто стеснялся своей красоты. Затем, медленно, с нежностью, с какой раскрываются лепестки на рассвете, цветок начал распускаться. Языки пламени, принимая форму розы, разворачивались один за другим, не вспыхивая, а рождаясь. Цветок пульсировал мягким светом, не обжигая траву и не разрушая ничего, а просто существуя, как дыхание самой жизни. Он горел тихо и почти невесомо, и в его свете лица Гельвии и Рона казались высеченными из света.

— Что... — выдохнул он, не договорив.

Рон замер с открытым ртом. Он моргнул раз, другой — но видение не исчезало. Его рука, всё ещё лежавшая на плече Гельвии, дёрнулась, будто хотела отдёрнуться, но он с усилием заставил себя не шевелиться.

— Гельвия... — прошептал он. Голос его сел, превратившись в хрип. — Ты видишь это? Я не сплю?

Цветок пульсировал мягким светом, не обжигая траву и не разрушая ничего. Он просто существовал — как дыхание самой жизни. Горел тихо и почти невесомо, и в его свете лица Гельвии и Рона казались высеченными из света.

— Не бойся, — услышал он её голос, спокойный и тёплый.

Она протянула руку к пламени. Рон рванулся было перехватить её запястье — машинально, защищая, — но замер, увидев, как огонь скользнул по её пальцам, обвил их, словно шёлковая лента, и не оставил ни следа. Не обжёг. Не зашипел.

— Как это возможно? — выдохнул он.

Он перевёл взгляд с её руки на цветок, с цветка на её лицо. В глазах его смешались страх и восторг — настоящий, детский, когда мир вдруг оказывается больше, чем ты думал. Он протянул было свою ладонь — грубую, с кузнечной копотью под ногтями, — но в последний миг отдернул.

— Он не тронет тебя, — мягко сказала Гельвия.

Рон всё же коснулся — кончиками пальцев, почти невесомо. И замер. Пламя лизнуло его кожу — не жарко, а приятно-тепло, как утренний луч после холодной ночи. Уголки его губ дрогнули, потом растянулись в неуверенной, но искренней улыбке.

— Это... — начал он и замолчал. Слова кончились.

Цветок исчез через мгновение — не завял, не рассыпался, а растаял, словно его и не было. Остался лишь лёгкий запах горячего металла и озона — как после летней грозы. Рон смотрел на пустое место, где только что горело чудо, и медленно опустил руку.

— Гельвия, — повторил он, но в голосе его уже не было страха. Только изумление и тихое, почти благоговейное понимание: он только что прикоснулся к чему-то, что выходило за пределы его кузнечного, крестьянского мира. — Что это было?

— Магия, — просто ответила она. — Моя магия. Наша.

Рон сглотнул. Посмотрел на свои пальцы — на них всё ещё будто оставалось невидимое тепло. Потом перевёл взгляд на неё — на её рыжие волосы, на глаза, в которых плясали отблески погасшего пламени.

— Ты... — начал он и не закончил. Вместо этого он сделал то, что умел лучше всего — просто взял её за руку. Крепко. Надёжно. Не отпуская.

А в голове Гельвии уже пульсировала одна мысль, горячая и настойчивая:

«Нужно срочно поговорить с Элей».

Рон проводил Гельвию до калитки дома Туансед.

Они шли медленно, держась за руки. Рон то и дело косился на её ладонь, сжатую в его ладони, словно проверял — не исчезнет ли? Лесная тропинка сменилась деревенской улицей, гравий хрустел под ногами. Слева тянулись заборы, справа — огороды с уже убранной картошкой. Где-то залаяла собака, ей ответила другая.

Рон молчал. Это было не его обычное громогласное молчание кузнеца, которое он заполнял смехом или байками. Это было молчание человека, которому только что показали чудо, и он всё ещё не мог подобрать слов.

У калитки они остановились. Рон отпустил её руку — не сразу, а постепенно, будто разжимал пальцы через силу.

— Сегодня был лучший вечер в моей жизни, — сказал он просто. В голосе не было обычной шутовщины — только правда, тяжёлая как наковальня.

Гельвия улыбнулась. Хотела сказать что-то остроумное, но в горле стоял комок.

— Спокойной ночи, Рон.

— Спокойной ночи, Гельвия.

Он постоял ещё минуту, глядя, как она открывает калитку, поднимается на крыльцо. Лунный свет падал на её фигуру, и она казалась ему сейчас не просто девушкой, а кем-то большим — частью какой-то тайны. Дверь скрипнула, принимая её в тёплую темноту прихожей.

Только тогда Рон развернулся. Он зашагал обратно к площади — медленно, часто оглядываясь. И только когда дом Туансед скрылся за поворотом, он поднёс свою ладонь к лицу. Понюхал. Пахло озоном и чем-то неуловимо сладким, как цветущий вереск.

— Магия, — повторил он шёпотом. И улыбнулся — широко, по-мальчишески, несмотря на свои широкие плечи и грубые руки. — Ну надо же.

В это же время Фред вел Элеонору по лесной тропинке, уверенно выбирая путь вглубь чащи. Он остановился у небольшой поляны, залитой лунным светом, и мягко, но настойчиво коснулся её руки.

— Какая здесь тишина, — произнес он, указывая на мягкий мох. — Давай посидим здесь. Отсюда видно всё небо, и никто нам не мешает. Не дожидаясь подробного ответа, он бережно направил её к земле, помогая устроиться на мягкой подстилке. Воздух был прохладным, но не холодным.

— Ты такая красивая, — прошептал Фред. В его голосе не было лести. Была только правда — но правда без тепла.

Элеонора молчала. Её взгляд был устремлён на него, а в его глазах читалось что-то... неуловимое.

— Я хочу быть с тобой, — голос Фреда дрогнул, превращаясь в низкий, вибрирующий шепот, полный сдерживаемого желания. Он резко повернулся к ней, и его глаза вспыхнули огнём, готовым поглотить всё вокруг. — С того самого момента, как я впервые увидел тебя... я знал. Чувствовал каждой клеткой. Ты особенная.

Не дав ей времени на ответ, он наклонился и накрыл её губы своими — жадным, требовательным поцелуем, лишённым вопросов или ожидания согласия. Это был не вопрос, а утверждение; порыв человека, уверенного, что желаемое уже принадлежит ему. Его руки крепко обвили её талию, притягивая ближе, стирая любое расстояние, и его дыхание обжигало кожу.

Элеонора замерла, превратившись в статую. Её тело мгновенно напряглось, словно ожидая удара клинка, а не ласки. Но внутри не вспыхнуло ни искры огня, не пробежало ледяной дрожи возбуждения. Абсолютная, звенящая тишина. Пустота, которая по всем законам мира должна была заполниться ослепительным светом страсти, осталась мёртво-холодной и безэмоциональной. Этот поцелуй касался лишь её губ, не проникая глубже кожи, не находя отклика в душе.

Спустя секунду, показавшуюся вечностью, она мягко, но с несгибаемой твёрдостью высвободилась из его объятий, разрывая этот односторонний контакт.

— Фред, не стоит... — её голос прозвучал тише, чем она планировала, но четко. — Ты торопишь события.

Он смотрел на неё несколько секунд. Моргнул. И улыбнулся — той самой улыбкой, тёплой и мягкой, которая должна была успокоить. Но Элеонора заметила, как дрогнул уголок его рта — неуловимо, на долю секунды.

— Прости, — сказал он, протягивая руку, чтобы помочь ей встать. — Я просто... увлёкся.

Она кивнула, принимая извинение, но внутри остался осадок.

Фред не отпустил её руку сразу. Он помог ей подняться, но его пальцы задержались на её локте дольше, чем следовало бы — не сжимая, но и не отпуская, словно проверяя границы дозволенного. Элеонора мягко, но решительно высвободилась, делая шаг назад.

— Пойдём, — только и сказала она, направляясь к тропинке, ведущей из леса.

Обратный путь был окутан тишиной. Не умиротворяющей тишиной, что бывает летней ночью, когда сверчки поют в траве, а ветер шепчет в кронах. Эта тишина была тяжёлой, вязкой, как смола. Каждый шаг давался с усилием, словно ноги увязали в ней.

Фред шёл рядом, но не касался её. Он молчал, низко опустив голову, и смотрел под ноги — на корни, на камни, на опавшие иголки, чтобы не споткнуться. Раз или два он всё же зацепился за выступающий корень и едва удержал равновесие, глухо выругавшись себе под нос. Дышал он неровно — то глубоко, то сбивчиво, как человек, который пытается справиться с обидой и не может.

В лунном свете его лицо казалось бледным. Он то и дело проводил рукой по волосам — нервно, без остановки, взлохмачивая их окончательно.

Элеонора чувствовала его взгляд на своём затылке. Тяжёлый, пристальный, но не пугающий — скорее печальный. Так смотрят на то, что хочется вернуть, но уже не вернёшь. Она ускорила шаг. Подошвы её туфель зашуршали по опавшим иголкам.

— Эля, — окликнул он.

Она чуть замедлилась, но не обернулась. Плечи её напряглись.

— Не обижайся. Я правда не хотел тебя задеть.

В его голосе снова появилась та мягкость, та хрипотца, которая была ему свойственна. Фред говорил тихо, почти просяще, и Эля услышала в его словах не лесть, а искреннюю боль. Он действительно переживал. Ей стало немного не по себе — не из-за страха, а из-за того, что пришлось делать больно тому, кто этого не заслужил.

— Всё в порядке, — ответила она, не оборачиваясь. Но голос её прозвучал мягче, чем она сама ожидала.

Он вздохнул — тяжело, протяжно. Сорвал с ближайшего куста тонкую веточку и начал нервно её крутить в пальцах, ломая на мелкие кусочки.

Тропинка вывела их на окраину деревни. Здесь дома стояли ближе друг к другу, окна кое-где ещё светились — поздние гости, не желавшие расходиться, или хозяйева, засидевшиеся за чаем. Луна отражалась в лужах на дороге, и тени стали короче, уютнее. Но Элеонора не чувствовала этого.

Фред поравнялся с ней. Он не пытался взять за руку, но шёл вровень, иногда задевая её плечом — случайно, не нарочно. Его походка сделалась тяжелее, словно ноги налились свинцом.

— Ты изменилась, — тихо сказал он, глядя прямо перед собой. В голосе не было упрёка — только грусть. — Раньше ты была... теплее. Добрее. Или мне просто так казалось?

Он замолчал на мгновение, с силой сжав остатки веточки в кулаке.

— Я всё думал, — продолжил он, не поднимая глаз. — Думал, что если подожду — ты заметишь. Но ты всегда была занята. Своими зельями, своими травами. Я смотрел на тебя издалека и думал: «Вот она. Та, кого я ждал».

Эля не ответила. Она шла быстро, почти вбегая по знакомой улице. Фред не отставал, но и не нагонял.

— Люди меняются, — наконец сказала она уклончиво, сворачивая к калитке.

У калитки дома Туансед Фред остановился. Он не пытался задержать её, не вставал на пути. Просто стоял в двух шагах, засунув руки в карманы, и смотрел, как она возится с щеколдой.

— Фред, — сказала она, обернувшись. В свете луны её лицо казалось бледным фарфором, а глаза — двумя тёмными озёрами. — Ты хороший человек. Правда. Но я... я не могу заставить себя чувствовать то, чего нет.

Он кивнул. Медленно, тяжело.

— Знаю, — ответил он тихо. — Наверное, я просто надеялся. Глупо.

Он вынул руки из карманов и хотел было поправить выбившуюся прядь волос у неё на лице, но в последний момент отдернул руку, словно испугавшись, что его прикосновение будет лишним.

— Спокойной ночи, Эля, — произнёс он таким голосом, будто прощался не до завтра, а навсегда.

— Спокойной ночи, Фред, — ответила она, открывая калитку и проскальзывая внутрь.

Она не обернулась. Слышала, как его шаги замерли на дорожке — пауза в три удара сердца. Потом тихий вздох. Потом скрип гравия — медленный. Он ушёл, но не сразу — сделал несколько шагов, остановился, словно надеясь, что она окликнет его. Не дождался.

Когда дверь дома закрылась за её спиной, выдох получился глубоким, почти судорожным. Она прислонилась спиной к двери, закрыла глаза. Только здесь, в знакомой тишине, где пахло воском и высушенными травами, она позволила себе расслабиться.

Гельвия уже сидела у камина, когда Элеонора вошла в гостиную. Огонь в очаге давно прогорел, но угли ещё тлели, отбрасывая тёплый красноватый свет. Сестра сидела на ковре, положив голову на колени, и её глаза горели возбуждением, щёки сохраняли румянец вечера. Волосы растрепались ещё сильнее обычного — видно, долго не сидела на месте.

Элеонора опустилась на ковёр рядом, чувствуя тяжесть в груди. Она стащила туфли, поставила их аккуратно у стены.

— Эль, ты не поверишь! — Гельвия, не выдержав, схватила сестру за руки. — Когда я поцеловалась с Роном... это было так естественно! И вдруг — тепло. Прямо из земли поднялся огненный цветок. Живой, пылающий! Он раскрылся, лепесток за лепестком, словно огонь сам признал наши чувства. Сначала я испугалась, но он не обжигал, а согревал.

Гельвия замолчала, ожидая реакции сестры. Но увидев её потухший взгляд, её улыбка дрогнула.

— А у тебя? Скажи, что у тебя тоже что-то было? Мы же, делали такое в детстве. Пусть мы давно спрятали эту силу, годы уходили только на алхимию, на травы и зелья... но она никуда не делась. Сегодня она откликнулась на что-то.

Элеонора опустила глаза, глядя на свои ладони, которые всегда были холодными.

— У меня... ничего, — тихо произнесла она. — Магия молчала. Совсем.

— Как это возможно? — едва слышно прошептала Гельвия.

— Фред поцеловал меня, — начала Эля, её голос звучал глухо и отстранённо. — Но я этого не хотела. Он сделал это спонтанно, не спросив моего согласия. Я застыла, не успев ничего предпринять, а внутри была лишь пустота. Я отстранилась и сказала ему, что он торопится. Между нами нет той искры, о которой ты говоришь. Поэтому магия и не проснулась.

Сёстры молча смотрели друг на друга. В тишине слышался лишь треск поленьев в камине.

— Почему именно сейчас? — спросила Элеонора, касаясь узора на ковре. — Мы всю жизнь жили среди людей. Обнимали бабушку, поддерживали больных детей. Но магия никогда не проявлялась без нашего желания. Мы сами загнали её вглубь, решив, что алхимия важнее. Выбрали труд, а не чудо.

Гельвия задумалась, сильнее сжимая руку сестры.

— Может, потому что сегодня это был не просто контакт? Это был не долг целителя и не привычка. Это был выбор сердца. Мы позволили этому случиться не потому, что должны были, а потому, что захотели. Моя магия отозвалась на желание быть с Роном. Твоя же... твоя магия не может отозваться на то, чего нет в душе.

— Но у тебя появился целый огненный цветок, — тихо сказала Элеонора. В её голосе не было обиды, только горькое осознание. — А у меня — тишина. Лёд, который я создавала в детстве, так и не появился.

Гельвия взяла сестру за руку. Её ладонь была горячей и настоящей.

— Не грусти, — сказала она. — Давай попробуем ещё раз. Вместе. Возможно, наша связь сильнее любых поцелуев. Помнишь, как мы играли с огнём и инеем, когда были маленькими? Бабушка тогда сказала, что нам нужно учиться алхимии. Мы делали это легко, потому что были рядом друг с другом.

Элеонора кивнула. Она крепко закрыла глаза, отчаянно пытаясь вытеснить любые посторонние образы — ни лица Фреда, ни его навязчивого голоса, ни вкуса его губ не должно было остаться в её сознании. Она искала опору в глубине собственной души, в абсолютной тишине внутреннего мира, но магический поток скользил по поверхности, словно вода по гладкому льду, не находя точки соприкосновения. Это мешало. Она чувствовала, как магия спотыкается

об эту внутреннюю пустоту, об отсутствие истинного импульса, рождённого искренним желанием.

Среди этой стерильной белизны, в её мыслях на долю секунды вспыхнул чужой образ: высокий силуэт в тени площади, волосы цвета лунного света и тот самый взгляд, что пронзил её насквозь, заставив сердце предательски ёкнуть. Образ был мимолётным, почти призрачным, но достаточно ярким, чтобы пробудить реакцию. Неосознанно, повинаясь этому внезапному всплеску эмоций, воздух перед её раскрытой ладонью сгустился. Мгновенно возник кристалл льда — острый, идеально гранёный, излучающий не просто холод, а леденящее дыхание самой зимы.

Гельвия же, напротив, легко сосредоточилась на тёплом, ярком образе. В её памяти мгновенно ожило лицо Рона: его обезоруживающая улыбка, уверенность в движениях, жар его рук. Над её ладонью тут же вспыхнул огонёк — живой, пульсирующий, наполненный теплом настоящего чувства.

— Дай мне руку, — прошептала она, уверенная в успехе их союза.

Их ладони соприкоснулись. И в тот же миг ледяной кристалл Элеоноры и живой огонь Гельвии столкнулись. Магия вспыхнула ослепительно ярко, озарив комнату вспышкой противоборствующих стихий, но лишь на секунду. Затем последовал тихий треск, и всё погасло. Кристалл рассыпался в пыль, огонь угас, растворившись в воздухе вместе с искрами, не оставив после себя ни следа, ни тепла, ни холода — лишь горькое ощущение несостоявшегося чуда.

Сёстры отпрянули, глядя на свои руки с недоумением.

— Почему не сработало? — прошептала Гельвия, глядя на угасающий свет в своей ладони. Её голос дрожал от разочарования. — Я думала о Роне... Вспоминала его смех, его взгляд. Казалось, всё должно получиться.

Элеонора медленно подняла глаза, вспомнив слова бабушки: «Магия — это отражение. Она показывает то, что уже есть внутри».

— Всё дело в этом, Гель, — тихо сказала она. — Мы пытались соединить не свои чувства. Ты цеплялась за воспоминание о Роне, а я... пыталась найти силу в пустоте, отвергнув всё и... Неважно. Магия откликается не на чужие мысли. Она отвечает на наши собственные.

Она снова протянула руку. На этот раз она не пыталась вызвать образы из прошлого. Чувствовала сестру рядом. Её тепло. Её дыхание. Годы, проведённые вместе. Боль, разделённую пополам. Радость, умноженную вдвое.

Гельвия поняла без слов. Отбросила мысли о Роне и взяла сестру за руку — не ради ритуала, не для эксперимента. Просто потому, что это была её сестра.

В этот момент магия откликнулась.

Сначала между их ладоней возникло тихое мерцание. Это была не ослепительная вспышка, а скорее лёгкая дрожь воздуха, похожая на то, что бывает над раскалённым камнем. Затем появилось тепло, которое перетекало от Гельвии к Элеоноре, а от неё обратно шёл ответный холод. Эти потоки не смешивались в хаотичный вихрь, а сплетались в единый, ровный поток. В комнате возникло странное, уютное напряжение.

Элеонора почувствовала это первой. В кончиках её пальцев появилось лёгкое покалывание, словно кто-то прикоснулся к ней мягкой шерстью. Она отдёрнула руку, но видение стало только плотнее.

Из клубка света и тени над её коленями начал проявляться контур. Сначала это была всего лишь игра теней от камина, которая принимала знакомые очертания: округлая спинка, треугольные уши, длинный хвост. Затем тени стали объёмными, наполнились белизной и превратились в густой, живой мех. Последними открылись глаза — глубокие, сапфировые, смотрящие на Элю с пугающим пониманием.

Кошка не появилась внезапно. Она лишь вытянулась, потянулась, будто просыпаясь после долгого сна, и мягко ступила лапками по полу. Раздался тихий звук — шорох когтей по

ворсу. Она подошла к Элеоноре, уткнулась холодным носом в её ладонь и громко замурлыкала, требуя внимания. Вокруг неё закружились снежинки — не магические искорки, а настоящий иней, который, вопреки теплу очага, не таял.

Гельвия ахнула. У её ног повторилось странное движение. Из огня, пляшущего на полу, появилась вторая фигура. Рыжая шерсть будто состояла из языков пламени, но оказалась тёплой и шелковистой. Лисица зевнула, показав крошечные клыки, и уютно устроилась рядом, положив голову на колени Гельвии. Её пушистый и тяжёлый хвост лениво взмахнул. Хвост на мгновение вспыхнул ярче, осветив комнату мягким янтарным светом, а затем снова стал рыжим.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мурлыканьем кошки и треском дров. Сестры, затаив дыхание, смотрели на животных.

— Почему бабушка ничего нам не рассказала? — выдохнула Гельвия, нежно касаясь уха лисицы. Зверь закрыл глаза от удовольствия, такой живой, тёплый, с ощутимым биением сердца под её пальцами.

— Они настоящие, — тихо произнесла она, чувствуя всю тяжесть этих слов. — Не духи, не иллюзии.

Элеонора ощутила, как кошка впивается когтями в ткань её платья, пытаясь устроиться поудобнее. Боль была настоящей. — Но почему именно животные? — спросила она, глядя в глубокие сапфировые глаза, в которых горел огонь камина.

Гельвия задумалась, наблюдая за лисой, которая сладко потянулась.

— Потому что они — часть нас, — тихо произнесла она. — Посмотри на неё. Ты — ледяная гладь, скрывающая бушующее море. А она... такая же. Спокойная снаружи, но готова выпустить когти, если потребует. В ней та же сила, что и в тебе. Только в живой оболочке.

Она перевела взгляд на лису, чья шерсть казалась живой даже в покое.

— А я — огонь, — продолжила Гельвия. — Пламя. Но не разрушительное, а живое, домашнее, как она.

Элеонора кивнула, ощущая странное родство с существом у ног. Страх перед неизвестным отступал, сменяясь тихим принятием.

— Нам нужно дать им имена, — сказала она.

Гельвия улыбнулась, наблюдая, как лисица кусает край её платья.

— Фейра, — уверенно произнесла она. — От древнего слова «файр», что значит «огонь». Но звучит мягко, как она сама.

Элеонора наблюдала за кошкой, которая, казалось, не замечала кружащихся вокруг снежинок. Она тихо произнесла:

— Айси... Лёд. Но живой, не мёртвый. Прозрачный, чистый, как утренний иней на траве. Хрупкий, но прекрасный.

Кошка перестала умываться и подняла голову. Её взгляд встретился с взглядом Элеоноры — не взгляд животного, а взгляд равного. В нём не было пустоты, только древнее, спокойное знание. Затем она снова прижалась к коленям хозяйки и замурлыкала громче, вибрируя всем телом.

Лисица вильнула хвостом, и в воздухе вспыхнула крошечная искра. Она тут же погасла, оставив лишь запах озона и тёплой шерсти.

Девушки осознали: их жизнь изменилась не из-за нового чуда. Древняя сила, дремавшая в них с детства, прорвала плотину молчания. Долгие годы они подавляли искры ради алхимических кругов и трав. Это лишь усилило натиск. Теперь магия вырвалась наружу мощным потоком, сбросив оковы запретов. Она не требовала заклинаний или линий, как алхимия. Магия была частью их крови, дыхания и сердцебиения. Два существа, возникшие из льда и пламени, показали, что сдерживать стихию внутри себя больше невозможно.

Фред стоял у опушки леса, на том самом месте, где тропинка раздваивалась: одна вела к дому Туансед, другая уходила в сторону кузницы. Дом Туансед светился окнами — два окна на первом этаже, одно на втором. Тёплый, мёдовый свет лился наружу, падая на дорожку жёлтыми квадратами.

Но для Фреда там не было места.

Он смотрел на светящиеся окна, сжимая и разжимая кулаки. Эля улыбалась только сестре — он знал это. Видел, как она оживает рядом с Гельвией, как её лицо становится мягче, когда они заваривают свои травяные чаи. Её сердце для него было сильнее любой зимы, этот холод вымораживал его надежду по капле, день за днём.

— Ты хочешь, чтобы она любила тебя.

Голос раздался за спиной — мягкий, как шёлк, обёрнутый вокруг шеи. Фред резко обернулся.

На поляне, освещённый луной, стоял незнакомец. Белые волосы падали на плечи прямыми тяжёлыми прядями, не шевелясь даже на ветру. Красные глаза — цвета запёкшейся крови и заката одновременно — смотрели на Фреда с древней, усталой мудростью. От этих глаз хотелось отвести взгляд — но не получалось. Они держали, будто крючья.

— Я могу помочь тебе быть рядом, — сказал незнакомец. В его голосе не было угрозы. Только знание чужой боли — такое древнее, как сами тени под деревьями. — Смотреть на неё. Слышать её голос.

Фред молчал. Ветер шевелил его волосы, но не трогал белые пряди мага.

— И что ты хочешь взамен? — наконец спросил Фред. Голос его прозвучал хрипло, с надрывом.

— Ты просто будешь рассказывать мне... о её дне. Это ведь просто забота — следить за тем, кого любишь? Ты же хочешь знать, что с ней происходит каждую минуту, когда тебя нет рядом. Разве это не естественно для любящего сердца? Понадобится кровь. Капля. В знак того, что ты выбираешь быть нужным, а не лишним.

Мужчина протянул ему кинжал. Лезвие из чёрного камня, почти не отражавшего лунный свет, тускло мерцало в его ладони. Рукоять была обмотана потёртой чёрной кожей — не новой, не старой, будто кинжал существовал всегда и принадлежал многим до Фреда.

Фред посмотрел на кинжал. Потом на мага. Потом снова на кинжал.

Рука не дрожала. Он взял оружие, полоснул по ладони — резко, без колебаний. Тёмные капли упали на примятую траву, впитались в землю, оставив пять маленьких чёрных пятен.

Маг улыбнулся. Впервые — по-настоящему тепло, уголки губ приподнялись, глаза чуть сощурились. Но это тепло было похоже на дыхание могилы — такое же неподвижное и холодное изнутри.

— Договор скреплён.

В тот же миг Фред почувствовал, как в груди что-то оборвалось. Тонкая, тёплая нить, которая связывала его со стыдом, надеждой и жалостью к себе — лопнула, как гнилая верёвка, не выдержавшая тяжести. На её месте начала появляться пустота — не боль, а именно пустота. Зияющая, прохладная, очень удобная.

Фред убрал кинжал за пояс. Не глядя на мага, развернулся и пошёл прочь, в сторону деревни. Только на миг ему показалось, что его тень замешкалась на поляне — на секунду дольше, чем должна была, — прежде чем последовать за ним.

Он шёл и не мог понять, что изменилось. Дыхание осталось прежним, шаги — прежними. Но внутри, глубоко-глубоко, что-то сдвинулось на одну крошечную, почти незаметную глазу долю. Как стрелка часов, которая перескакивает с одной секунды на другую — и никто не замечает, а время уже пошло иначе.

Он не оглядывался. Не знал, что его улыбка — та самая, тёплая и мягкая, которой он улыбался Элеоноре — теперь станет приходить на секунду позже, чем нужно. Не знал, что его

взгляд, прежде полный долгой, выношенной любви, начнёт иногда пустеть — на долю моргания, на краткий выдох. Пока это было незаметно. Даже самому себе он мог бы поклясться, что ничего не изменилось.

Но это уже не было правдой.

Глава 2. Кристалл

Утро начиналось не с пения петухов, а с тишины — той самой, что живёт между рассветом и первым лучом солнца. Воздух был прохладен, но уже дышал предчувствием лета, а на подоконниках домов роса ещё не успела испариться, превратившись в крошечные зеркала, отражающие небо.

В доме Туансед первой проснулась Гельвия. Она не вскочила, как обычно, а медленно потянулась, ощущая, как тепло одеяла упрямо цепляется за кожу. За окном пели зяблики, а где-то внизу — на первом этаже — тихо постучали в дверь. Звук был осторожным, почти робким, но Гельвия узнала его сразу.

— Да, иду, сейчас! — крикнула она, спускаясь по лестнице босиком. Её голос ещё хранил сонную хрипотцу, но в нём уже звенела радость.

Дверь скрипнула, и на пороге предстал Рон. Он стоял, слегка смущённый, с букетом полевых ромашек в руках. Цветы были простыми, но свежими — их влажные лепестки переливались на утреннем свету, словно капли росы превратились в золото. Его рыжие волосы были взъерошены, а глаза — цвета ясного небосвода — сияли, как будто он всю ночь не спал, думая, как бы удивить её.

— Привет, алхимик Туансед, — произнёс он, чуть поклонившись. — Это тебе. Гельвия тихо ахнула, принимая букет. Аромат цветов был нежным, почти девичьим — таким же, как её собственная улыбка.

— Ох, как мило... — прошептала она, прижимая ромашки к груди. — Проходи, будешь мятный чай с земляникой?

— С удовольствием, — ответил Рон, переступая порог.

Гельвия поставила цветы в старинную фарфоровую вазу, которую когда-то привезла бабушка из города, и наполнила чайник ключевой водой. На столе уже стояли две чашки — одна украшена тонкой росписью с её именем, другая — простая, белая. Из тени кухонного угла вышла Фейра. Лиса двигалась бесшумно, как пламя по ветру. Её шерсть была мягкой, почти шёлковой, а глаза — чёрные, как обсидиан, — внимательно изучали гостя. Рон замер. Он не знал, что у сестёр есть питомцы, и тем более не ожидал увидеть живую лисицу в доме.

— Ничего себе... — выдохнул он. — Не знал, что у вас есть домашняя лисица.

— Это Фейра, — с гордостью сказала Гельвия. — Она... особенная. Фейра, словно понимая, что речь о ней, подошла ближе. Её хвост слегка подрагивал — не от страха, а от любопытства. Рон протянул руку, и лиса, помедлив лишь на миг, коснулась его ладони холодным носом. В этот момент хвост Фейры вспыхнул мягким пламенем — не обжигающим, а тёплым, как первый луч солнца после долгой ночи.

— Красивая такая... — повторил он, не сводя с неё глаз.

В этот момент на лестнице послышались шаги. Элеонора спускалась медленно, как будто каждая ступенька требовала от неё решения: войти в этот день или остаться в тишине своего сна. Её волосы были распущены, а взгляд — немного настороженный. Она знала, что сегодня будет не таким как прежние дни, но вчерашний вечер оставил неприятный осадок. Инстинктивно она коснулась губ, вспоминая поцелуй, от которого отстранилась. Ей было некомфортно от мысли, что Фред решил, будто имеет право на такие действия.

— У нас гость? — спросила она, останавливаясь в дверях. — Здравствуй, Рон, — добавила мягче, и в её голосе промелькнуло то самое тепло, которое она позволяла себе редко.

— Привет, Эля! — ответил Рон. — Геля мне вчера много чего про тебя рассказала... а я, уж прости, поделился с Фредом. Он, друг как-никак, а ты ему очень нравишься.

По щекам Элеоноры пробежал лёгкий румянец. Она не сердилась — просто чувствовала ту неловкость, что возникает, когда твои самые сокровенные мысли становятся предметом

чужого разговора. Даже если эти мысли — всего лишь воспоминания о попытке установить границы.

— Ох, у вас и кошка дома, — заметил Рон, увидев Айси, которая, крутясь у ног Эли, наблюдала за всем происходящим с видом королевы. — А эту прелесть как зовут? — Айси, — коротко ответила Элеонора, но в её голосе уже не было холода. Она подошла к кошке, погладила её по спине, и та тут же замурлыкала, прижавшись к хозяйкиной ноге.

Как будто в ответ на это, в дверь снова постучали. На этот раз открыла Эля. На пороге стоял Фред. Его лицо озаряла тёплая, почти мальчишеская улыбка, а в глазах — та самая искренность, что заставляла сердце биться быстрее даже без слов. Но на одно неуловимое мгновение его взгляд задержался на её лице дольше, чем следовало, — будто он сверялся с чем-то, чего другие не видели.

— Доброе утро, — сказал он мягко.

— Доброе. Проходи, будем завтракать, — пригласила она, отходя в сторону.

Но, прежде чем войти, Фред остановил её: — Эля... прости за вчерашнее. Я просто потерял голову. У меня новость. Отец вернулся из города и привёз тебе кое-что по моей просьбе. Он протянул маленькую бархатную коробочку. Элеонора замерла. Она не любила сюрпризов — они нарушали порядок, а порядок был для неё опорой.

— Фред, это слишком... Я ещё не готова к таким подаркам, ты опять торопишься, — тихо сказала она, колеблясь.

— Просто примерь, Эля. Это ничего не значит, кроме того, что ты мне дорога, — его голос звучал мягко, но настойчиво. Она открыла коробку. Внутри лежал серебристый кулон в форме сердца. А в самом его центре — фиолетовый кристалл, мерцающий, как далёкая звезда. — Это... очень красиво, — прошептала она, не зная, как выразить то, что чувствовала внутри: трепет, благодарность, лёгкий страх.

Фред аккуратно достал кулон и надел его ей на шею. Его пальцы двигались с какой-то странной плавностью — словно каждое движение было отрепетировано, хотя он явно делал это впервые. В тот миг, когда застежка щелкнула, мир для Фреда на секунду покачнулся. Запах утреннего кофе и трав исчез, сменившись сыростью болота и запахом озона.

Реальность вернулась резко. Фред моргнул — на долю секунды дольше, чем нужно. Перед ним стояла Эля, растерянная и красивая, с фиолетовым камнем на шее, который уже начинал мягко светиться изнутри.

Странно, — подумала Эля. — Руки у него тёплые, а прикосновение... холодное. Как будто он держит не меня, а какой-то предмет. Стоило камню коснуться ключицы, как тревожные мысли о вчерашнем поцелуе вдруг стали казаться ей глупыми и незначительными. Внутри разлилось тепло, но какое-то... чужое. Будто кто-то другой начал дышать за неё. Но в этот миг Айси фыркнула у её ног, шерсть на загривке встала дыбом. Кошка зашипела на кулон, пытаясь лапой попросить хозяйку снять цепочку.

— Айси, что с тобой? — удивилась Эля, но внутри почувствовала, что кошка права. Интуиция животного видела то, что скрыто за магией камня. Мысль рассеялась под действием странного тепла, но холодок недоверия остался.

Элеонора провела пальцами по кулону. Камень был тёплым, но внутри него, казалось, жила какая-то чужая энергия — тихая, почти незаметная, но настойчивая. Внезапно в висках пульсировало — не больно, а странно: будто чужой ритм накладывался на её собственный. Она моргнула, и на мгновение мир вокруг стал ярче, краски — насыщеннее. Как будто я вдруг увидела всё впервые, — подумала она. Но это ощущение не приносило радости — только лёгкое головокружение, будто она смотрит на мир сквозь чужие глаза.

Рон, сидевший за столом, не удержался: — Фред, ты, оказывается, таким милым бываешь!

За это он получил лёгкий подзатыльник от Гельвии — но в её глазах смеялись искры.

— Спасибо, Фред, — сказала Элеонора, опуская взгляд. Щёки её горели, но она не прятала улыбку, хотя внутри что-то сопротивлялось.

Фред нежно поцеловал её в щёку, обдав шею горячим дыханием, и прошептал: — Я рад, что тебе понравилось. Но в том, как он наклонил голову, было что-то едва заметно несовпадающее с движением — будто он чуть-чуть опоздал с реакцией или, наоборот, начал её слишком рано.

Только тогда он заметил животных. В его взгляде не было удивления — лишь лёгкая тень, будто он уже видел их, а потом вспомнил, что нужно удивиться.

— У вас, оказывается, есть питомцы? — спросил он, и в голосе прозвучала интонация, которая была правильной, но почему-то на долю секунды запаздывала за выражением лица.

— Вот сразу видно, друзья, — усмехнулась Гельвия. — Даже вопросы у вас одинаковые.

— Лисица — это Фейра, питомец Гельвии, — быстро сказала Элеонора. — А это Аиси. Моя кошка.

— Так, ну давайте завтракать, — объявила Гельвия, ставя на стол тарелку с блинчиками и ещё две чашки.

Завтрак прошёл за общим столом — все четверо, как одна семья, которой они пока не были, но к которой невольно стремились. Рон, садясь на скамью, нечаянно задел локтем банку с малиновым вареньем — содержимое брызнуло на скатерть, оставив яркие капли.

— Ох, варенье разлилось! Прости, я такой неуклюжий! — он весело рассмеялся, хватая тряпку. Его смех был настолько заразительным, что Гельвия тоже засмеялась, помогая ему вытирать пятно.

— Ты сияешь, как солнце! — смущённо пробормотал Рон, покраснев до корней волос. — Нет, погоди... Ты... забыл, что хотел сказать. Гельвия улыбнулась, её глаза светились. — Ты опять начинаешь заикаться. Но мне это даже нравится.

Фред мягко предложил Элеоноре чай. Его голос был ровным, без лёгкой хрипотцы, возникающей от волнения. Он налил чай безупречно, не пролив ни капли. Когда он ставил чайник, его пальцы на мгновение замерли на ручке — на секунду дольше, чем требовалось, будто он ждал невидимого сигнала.

— Ты сегодня особенно прекрасна, — произнёс он, глядя на Элеонору поверх чашки.

Слова были правильными, интонация — идеальной. Но когда он произносил их, его взгляд сместился ровно настолько, чтобы смотреть не в глаза, а чуть выше — на отражение камня в зрачках. Элеонора мгновенно почувствовала это кожей, которая всегда предупреждала её об опасности задолго до осознания угрозы.

Он говорит красивые слова, но в них нет той трепетной дрожи, когда сердце бьётся быстрее разума. Она улыбнулась ему — вежливо, тепло, но без внутреннего трепета, который должен был быть. Кулон на шее едва заметно пульсировал, заглушая желание возразить.

— Помнишь тот день, когда тебе было десять? — Фред посмотрел на неё с нежностью, от которой её сердце сжалось. — Была сильная гроза, и ты убежала во двор, смеясь и подставляя лицо молниям. Ты сказала, что гроза — это танец неба, и тебе нравится чувствовать, как капли барабанят по коже, а мир вокруг сверкает вспышками света.

Эля застыла с ложкой над тарелкой с блинами. Она с детства любила грозы — бегала под дождём, когда все прятались по домам, раскидывала руки и кружилась, пока молнии разрезали небо. Но никому об этом не рассказывала. Даже Гельвии. Только бабушке Агнес однажды удалось застать её у калитки, промокшую до нитки. Не ругая, бабушка укутала её в тёплое одеяло и усадила у камина.

— Откуда ты?.. — прошептала Эля. Фред улыбнулся — той самой идеальной улыбкой. Но уголки его губ дрогнули на долю секунды раньше, чем положено живой улыбке, как будто он включал её не изнутри, а снаружи.

Элеонора опустила взгляд. В висках снова запульсировало — на этот раз сильнее. Мир вокруг стал ярче, почти ослепляя. Она почувствовала лёгкое головокружение, будто её тело и разум двигались с разной скоростью. Это от усталости, — подумала она. Но внутренний голос молчал, не потому что согласился, а потому что испугался заговорить.

Когда завтрак закончился, парни помогли убрать со стола. Сёстры остались на кухне мыть посуду. В этот момент питомцы подошли к ним, каждый к своей хозяйке. Фейра подошла к Гельвии и уткнулась мордой в её ладонь, не игриво, а требовательно, словно спрашивая разрешения.

— Ты хочешь пойти с нами? — прошептала Геля, поглаживая лису по загривку. — Боишься, что я одна не справлюсь? — Фейра вильнула хвостом, и тот вспыхнул мягким пламенем, не обжигая воздух. Лиса кивнула мордой и направилась к двери, ожидая.

Айси сидела на кухонном столе рядом с Элеонорой, не шелохнувшись. Её сапфировые глаза пристально смотрели на кулон на шее хозяйки. Вдруг кошка медленно подняла лапу и коснулась камня. Фиолетовый кристалл на мгновение потускнел, словно поглотив часть света. Айси зашипела, предупреждая.

— Что случилось, Айси? — тихо спросила Эля.

Кошка отвернулась и направилась к окну, словно избегая разговора. Но перед тем как уйти, она бросила на хозяйку долгий, внимательный взгляд — взгляд, полный тихого предостережения. Где-то внутри, в глубине её интуиции, шевельнулся холодок.

Когда парни вернулись из гостиной, где Рон демонстрировал Фреду новый нож, который он выковал для отца, сёстры уже ждали их, готовые к прогулке. Гельвия выбрала лёгкое платье цвета летнего заката — тёплого оранжево-розового оттенка. По подолу платья были вышиты золотые нити, которые искрились при каждом движении. На шее она носила тонкую золотую цепочку с маленьким подвесом в форме пламени.

Элеонора выбрала воздушное платье из лёгкого льна цвета утреннего тумана — нежно-голубого с серебристыми переливами, напоминающими отражение луны на воде. Тёмно-синий пояс подчёркивал её талию, а на запястье поблёскивал браслет из лунных камней. Кулон она не стала прятать — не из недоверия, а по странному, необъяснимому желанию оставить его на виду, как будто камень требовал быть заметным.

— Куда пойдём? — спросила Геля, беря Рона под руку.

— К реке! — воскликнул он. — Там сегодня особенно красиво. Вода такая прозрачная, что видно каждую гальку на дне.

— А мы? — спросила Элеонора, обращаясь к Фреду.

— Давай пройдемся по лесной тропинке, — предложил он. — Там тихо. Можно поговорить. Я знаю одно местечко, тебе понравится, я помню, ты любила там бывать в детстве. Его слова звучали мягко, почти ласково. Но когда он говорил, его пальцы бессознательно повторяли одно и то же движение — сжимались и разжимались, будто он перебирал невидимые нити.

Тропинка вела вглубь леса, туда, где солнечные лучи пробивались сквозь листву пятнами света. Воздух был свеж, пах хвоей и влажной землёй. Фред шёл рядом с Элеонорой, держа её за руку. Его пальцы сжимали её ладонь уверенно, почти властно, но Эля не отдернула руку. Она хотела — разум настойчиво сигнализировал об опасности, о вчерашнем холодном поцелуе, о желании сохранить дистанцию, — но стоило взглянуть на его профиль, как внутри разливалось странное, вязкое тепло. Словно кто-то невидимый мягко удерживал её пальцы, заставляя довериться этому прикосновению.

Фред чувствовал, как её пальцы слегка прохладны — не от болезни, а от чего-то иного. Фред знал эту температуру. Он описывал её точно: холод, который не греется даже от любви.

— Эля... твои руки... они всегда такие? — спросил он, стараясь говорить непринуждённо. В его голосе не было настоящего любопытства, но и фальши тоже — только странная, неуместная отстранённость, будто он спрашивал о погоде.

Она очнулась от своих мыслей, словно вынырнула из глубокой воды. Ей хотелось солгать, сказать, что это просто осенний ветер, но слова сами сложились в признательную фразу.

— Что? Нет... вчера они были немного теплее. — Она удивилась собственной откровенности. Почему ей так легко говорить с ним сегодня, когда вчера она едва не убежала?

— Холод приятный, конечно, — задумчиво произнёс Фред. — Но... загадочно. И когда он говорил это, его голос чуть-чуть изменился — ровно настолько, чтобы Элеонора не могла понять, нравится ему этот холод или пугает.

Элеонора опустила взгляд. Кулон на шее слегка пульсировал, отдавая тёплой вибрацией в ключицу.

— Я не знаю, что происходит, Фред, — тихо вырвалось у неё, хотя она планировала молчать. — Внутри будто что-то меняется. Мы с сестрой думали, что просто продолжаем семейное дело, алхимию... но иногда вещи реагируют на нас иначе.

Фред кивнул. Это был обычный кивок, но в нём промелькнуло что-то странное — будто он одновременно и соглашался, и проверял что-то в своей голове, сверял с невидимым списком. «Лёд, — пронеслось у него. — Она подтверждает. Он был прав.»

— Всё меняется, Эля, — сказал он вслух, и в его голосе что-то дрогнуло — не угроза, а нечто иное, чего она не могла описать. — И, возможно, именно сейчас начинается самое интересное.

Элеонора посмотрела на него — и впервые увидела по-другому. Не того, кого она привыкла видеть, а того, кто был рядом. И в этом взгляде не было страха. Только настороженность, которая, впрочем, быстро таяла под действием странного внутреннего тепла.

— А Аиси тоже... реагирует? — спросил Фред, глядя на кошку. В его вопросе не было любопытства — была лишь странная, почти механическая необходимость услышать ответ.

— Да... вроде бы, — Эля колебалась. Она не хотела показывать это. Но стоило ему посмотреть на неё с этим спокойным, выжидающим вниманием, как её рука сама собой поднялась.

Над ладонью возник крошечный кристалл — прозрачный, с странным серым отливом, похожий на искаженное сердце. Кристалл появился не по её воле — он возник сам, как ответ на её внутреннее напряжение, усиленное чем-то извне. Аиси подошла ближе, коснулась лапкой ноги хозяйки — и вокруг кристалла вспыхнули искры, превратившись в миниатюрные звёздочки. От кристалла повеяло морозом, и трава под ними покрылась инеем.

— Как красиво... — прошептал Фред, заворожённый.

Но Элеонора заметила: когда он сказал это, его глаза ни на миг не оторвались от кристалла. Он не смотрел на неё. Не смотрел на иней. Он смотрел только на камень — так, будто видел не красоту, а чертёж.

Элеонора опустила руку. Кристалл рассыпался на крошечные осколки, которые тут же растаяли в воздухе, оставив после себя холод.

— Смотри! — воскликнула Эля, пытаясь развеять странное напряжение. Она указала на бабочку с крыльями цвета летнего заката, порхавшую между цветами. — Какая красота!

Фред повернул голову в указанном направлении. Его губы растянулись в улыбке. Но его глаза... они не изменились. Они остались такими же ровными, как минуту назад, когда он смотрел на кристалл.

— Да, очень красиво.

Он сказал это правильным тоном. Но в том, как быстро его взгляд вернулся к ней — быстрее, чем живой человек переключился бы с бабочки на девушку, — было что-то едва уловимо не так.

Эля отвела взгляд. Где-то глубоко внутри шевельнулся холодок — не страха, а разочарования. Она хотела, чтобы он увидел эту бабочку так, как видела она. Но он... он просто

посмотрел на неё. Как на предмет. И самое страшное было то, что ей вдруг захотелось поверить в его игру. Захотелось так сильно, что это желание пугало её больше, чем его ложь.

— Эль... — произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Элеонора Туансед, ты будешь моей девушкой?

Она застыла.

Сердце колотилось так громко, что его, казалось, было слышно даже в тишине леса. Вопрос застал ее врасплох не потому, что она не хотела ответить, а потому, что боялась, что счастье будет слишком хрупким. Кулон на ее шее стал тяжелее, давя на кожу. И в тот самый миг, когда она открыла рот, чтобы ответить, она заметила: Фред стоял совершенно неподвижно. Слишком неподвижно. Даже дыхание, казалось, замерло в ожидании — не её ответа, а чего-то другого.

— Вчера... я просила тебя не торопить события, — тихо сказала она, вспоминая, как отстранилась тогда. Разум подсказывал, что нужно быть осторожнее, что между ними ещё ничего не решено. Но стоило ему посмотреть на неё так внимательно, как внутри разлилось странное, тёплое онемение, заглушающее сомнения.

— Вчера было вчера, — мягко произнёс Фред, делая шаг ближе. — А я спрашиваю о сегодня. Так какой твой ответ?

Она кивнула, чувствуя, как воля ускользает, подменяясь приятной, вязкой уверенностью, которой не должно было быть.

— Да, Фред...

Он улыбнулся — и притянул её к себе, сокращая последнее расстояние между ними. Его губы накрыли её — глубоко, страстно, требуя ответа. И вопреки разуму и вчерашнему сопротивлению, Эля ответила. Камень на шее пульсировал жаром, заставляя кровь стучать в висках, туманя сознание. Её руки сами собой поднялись, цепляясь за его плечи, тело предательски потянулось навстречу.

Пальцы Фреда запутались в её волосах, слегка надавливая и склоняя её голову удобнее. Его ладонь скользнула по спине, прижимая ближе и очерчивая линию талии. На мгновение пальцы дрогнули, готовые сорваться вниз, ниже пояса, но он усилием воли заставил руку замереть. Прикосновения оставались уверенными, вызывая дрожь.

В этот миг воздух вокруг них резко сжался. Сквозь туман их дыхания проскользнули острые осколки льда, падая на землю, как битое стекло. Магия вырвалась наружу рывком, неконтролируемо, будто ей было больно от этой навязанной страсти.

Но поцелуй Фреда оставался... странным. Когда она вздохнула, его губы подстроились с пугающей точностью — не как у влюблённого, который чувствует партнёра, а как у того, кто заранее просчитал каждое движение. Когда он отстранился, разрывая эту вынужденную близость, Фред не отступил ни на шаг. Он остался стоять опасно близко, его дыхание, лишённое живого трепета, обожгло её щеку. В его глазах не было робости, только внимательный, изучающий блеск — и на секунду ей показалось, что он смотрит не на неё, а сквозь неё, на что-то у неё за спиной.

— Рон многое рассказал мне о тебе, — прошептал он, и слова прозвучали тихо, но весомо, словно удар ключа в замке. — Твоя сестра поделилась с ним всем. И он... доверил эти тайны мне.

Элеонора хотела промолчать, хотела захлопнуть дверь своей души, но внутри что-то треснуло — тёплая волна разлилась по груди, расслабляя привычную осторожность. Слова просились наружу, и она не смогла им препятствовать.

Фред слушал. Не перебивал. Не пытался утешить. Просто был. Но когда она замолчала, он не сразу заговорил. Пауза длилась на миг дольше, чем естественно, — будто он ждал, не добавит ли она ещё что-то, и только убедившись, что нет, кивнул. В его глазах не было того света, который появляется, когда человек слышит историю, которая трогает его до глубины

души. Было... внимание. Спокойное, ровное внимание человека, который слушает не сердцем, а чем-то другим.

Гельвия и Рон шли к реке. Их шаги были быстры, почти как танец. Рон часто спотыкался о корни, но Гельвия смеялась и поддерживала его.

— Гель, можно я возьму тебя за руку? — неуверенно спросил он.

— Давно пора! — с улыбкой ответила она и сама вложила свою ладонь в его.

Его рука была тёплой, шершавой от работы в кузнице. Но Гельвия не отдернула свою — наоборот, жала крепче.

— У тебя рука почти горячая... Ты не заболела? Или это из-за вчерашнего цветка? Она рассмеялась.

— Да, — тихо сказала Гельвия, глядя на свои ладони, где ещё тлели отголоски жара. — Мы с Элей всегда чувствовали, что мы не просто алхимики. Бабушка не говорила об этом прямо, но мы ощущали силу с детства. После одного случая с философским камнем, когда наши силы едва не вышли из-под контроля, мы испугались. Пообещали больше не смешивать стихии, а затем и вовсе перестали использовать магию, полностью посвятив себя алхимии. Мы думали, так будет безопаснее. Гельвия перевела дух, её глаза светились не страхом, а облегчением.

— Но когда ты меня поцеловал... защита рухнула. Огонь вырвался сам. Теперь он не хочет спать, Рон. Лёд Эли тоже. А Фейра и Айси... — она улыбнулась, вспомнив, как появились животные в гостиной. — Они появились тем же вечером. Впервые за много лет мы с сестрой снова взяли за руки. Не ради эксперимента, а потому что поняли: скрывать это больше нельзя. Наши фамильяры — знак того, что мы приняли свою природу.

— Это потрясающе! Вы все эти годы сдерживали такую мощь ради трав и зелий? — выдохнул Рон, глядя на неё с благоговейным страхом и восхищением.

— Мы боялись навредить, — призналась Гельвия. — Но теперь я понимаю: сдерживать это было опаснее.

— Хочешь увидеть? — спросила она с новой уверенностью в голосе.

Она подняла руку, и над ладонью вспыхнул огонёк. Он начал расти, постепенно обретая форму сердца. Фейра, сидевшая рядом, обвила их хвостом. В тот же миг вокруг сердца появились искры — живые, игривые, как сама Гельвия.

— Единственное, что я видел прекраснее огня... — голос Рона дрогнул от волнения, переходя на шёпот. Он смотрел на Гельвию так, словно видел её впервые, будто весь мир исчез, оставив лишь её глаза. — Это ты, Гельвия Туансед.

Она не ответила. Слова были лишними, они повисли бы в воздухе ненужным грузом. Вместо этого она сделала шаг навстречу, закрывая последнее расстояние между ними. Её пальцы неуверенно коснулись его грубой, испачканной сажей рубахи, словно проверяя, реален ли он.

Их губы встретились.

Это не было похоже на идеальные поцелуи из романов, которые они с сестрой тайком читали в редкие минуты отдыха от сухих алхимических трактатов. Это было нечто большее. В первый миг их дыхание смешалось — горячее, прерывистое, пахнущее озоном и раскаленным металлом. Воздух вокруг вспыхнул золотым вихрем: тысячи искр вырвались из ниоткуда, танцующая в такт их учащенному сердцебиению, озаряя лица мягким, живым светом. Но они даже не моргнули. В этот момент для них существовали только их губы и оглушительный стук сердец, пытающихся слиться в едином ритме.

Поцелуй был неуклюжим, но от этого еще более настоящим. Рон, нервничая, прижался к ней слишком сильно, случайно задев зубами. Боль была мгновенной, острой, но Гельвия не

отстранилась. Наоборот, сквозь поцелуй она тихо рассмеялась — звук чистого счастья растворился в тепле его рта.

Они на мгновение отстранились, чтобы перевести дух. Их взгляды встретились, зрачки расширились, отражая пляшущие огоньки. Затем они снова поцеловались.

На этот раз всё было идеально. Не потому, что они заранее подстроились, а потому, что исчезли последние сомнения. Его руки осторожно, словно с благоговением, обвили её талию, притягивая ближе. Он будто боялся, что она рассыплется искрами, если он её отпустит. Её ладони скользнули ему на шею, ощущая под пальцами бешеный ритм сердца. Этот поцелуй был настоящим, без игры. В нём пульсировала жизнь — сырая, пугающая, но невероятно сладкая. Это был вкус свободы, вкус будущего, которое они создавали в этот момент.

Когда они наконец отстранились, воздух всё ещё дрожал от магии. Тёплые поцелуи медленно оседали на кожу. Рон тяжело дышал, его лоб касался её. Его лицо, всегда открытое и смелое, сейчас пылало густым румянцем. Краска разлилась от щёк до корней рыжих волос, скрываясь даже под короткой стрижкой. В его глазах читалось обожание и растерянность, словно он не верил, что это случилось.

— Прости, — хрипло выдохнул он, хотя в его взгляде читалось: никогда себе не прощу, если мы остановимся. — Я... просто забыл, как дышать.

Гельвия улыбнулась, и в этой улыбке горело целое солнце. — Тогда просто будь со мной, — прошептала она, снова касаясь его губ своими.

Сёстры вернулись домой почти одновременно ближе к вечеру. Дом окутала тишина, лишь мягкий свет заката пробивался сквозь окна. Они накормили питомцев, заварили чай из ромашки и сели за стол. Когда их головы коснулись подушек, Гельвия тихо спросила в темноте:

— Эль... а ты не чувствуешь, что сегодня слишком... идеально? Элеонора замерла. Она сама думала об этом весь вечер — как о назойливой занозе под ногтем. Но стоило ей коснуться пальцами шеи, где переливалось серебро, как тревога отступала, сменяясь тёплой волной.

— Может, это просто счастье? — тихо сказала она. Её голос звучал увереннее, чем она думала. — Фред всегда так внимателен. Он знает обо мне то, что я уже не помню.

Фред был таким... правильным. Его слова и жесты были безупречны, словно он читал по сценарию. А вот Рон... Он споткнулся, когда пытался сделать мне комплимент, и это было забавно и по-настоящему. Эля молчала. Пульсация в висках становилась все более навязчивой. Она вспомнила его поцелуй — спокойный, без дрожи и неуверенности. Вспомнила, как он знал о грозе. Кулон на груди согревал её, развеивая последние сомнения.

— Ты, наверное, просто завидуешь, что у меня всё хорошо, — улыбнулась Эля, глядя в темноту. Её улыбка была искренней, но слегка усталой.

Гельвия хотела возразить, хотела сказать, что идеальное бывает только в сказках, которые заканчиваются плохо. Но она увидела спокойное лицо сестры и лишь кивнула: — Ладно. Просто береги себя

— Спи, Геля, — тихо прошептала она, чувствуя, как веки тяжелеют. — Завтра будет новый день.

Элеонора долго лежала, не закрывая глаз, и смотрела в потолок. Тени от ветвей за окном рисовали на нём причудливые узоры, похожие на предупреждающие знаки. Камень под её спиной отдавал тепло, вытесняя холод, который всегда тревожил её интуицию.

Гельвия кивнула, но взгляд её оставался устремлённым в окно, где за деревьями начиналось что-то большее, чем просто лес. Элеонора тоже перевела взгляд за окно. В глубине теней мелькнул огонёк. Не луна, не светлячок — слишком ровный, слишком... наблюдающий. Огонёк быстро исчез, но ощущение не пропало. Казалось, кто-то стоял на границе их мира и смотрел.

В глубине леса беловолосый маг улыбался, наблюдая за домом Туансед. В его руках мерцал крошечный кристалл — точная копия того, что висел на шее Элеоноры. Он провёл пальцем по граням камня, и в его глазах вспыхнула кроваво-красная искра.

— Скоро, — прошептал он в темноту. — Очень скоро.

Глава 3. Пламя в металле

Рассвет наступил внезапно, как тихое примирение, а не как триумф света над тьмой. Элеонора проснулась раньше, чем первые лучи коснулись подоконника. Её веки сами собой открылись, словно внутренние часы отсчитали не минуты, а биение чего-то нового, возникшего в груди. Она неподвижно лежала, слушая своё дыхание, и чувствовала, что её душа всё ещё парила в воздухе, не решаясь вернуться в тело. Вчерашний поцелуй оставил ощущение льда и хрупкой надежды, которую она долго боялась признать. Сердце билось ровно, но в висках тихо пульсировала тревога.

Сколько она ни пыталась избавиться от этих мыслей, образ Фреда постоянно всплывал в её сознании. Его улыбка, голос, взгляд — всё это было как наваждение. Вчера она ещё сомневалась, а сегодня проснулась, чувствуя, что между ними ничего не изменилось, только тихая, тёплая неизбежность.

Почему я думаю о нём каждую секунду? — подумала она, прижимая ладонь к груди. *Разве так бывает? Я ведь просила не торопить события. А теперь... мне кажется, что воздух становится разрежённым без него.* Она не могла объяснить эту внезапную перемену. Это не было типичной для неё осторожностью. Скорее, это походило на неутолимый голод.

Рядом с кроватью Айси не спала. Серебристо-белая кошка, прижавшись мордой к краю постели, напряжённо слушала тишину. Её уши были прижаты к голове, а хвост обвивал лапы плотным кольцом. Она не покидала хозяйку всю ночь, словно охраняя её сон от невидимой угрозы. Время от времени её ноздри чутко вздрагивали, улавливая запахи, недоступные человеческому восприятию. Что-то тонкое, металлическое, как запах крови на морозе.

Элеонора потянулась, чтобы погладить кошку, но её пальцы, коснувшись шерсти, мгновенно охладили воздух. На одеяле проступил иней.

— Прости, Айси, — тихо сказала Эля, отдёргивая руку. Кошка не издавала звуков, но её сапфировые глаза смотрели с упрёком.

Элеонора поднялась и подошла к окну. За стеклом ещё царил серая мгла — ни теней, ни красок, лишь мягкие переходы от ночи к утру. Она прикоснулась ладонью к холодному стеклу, и вдруг пальцы ощутили лёгкое покалывание. На стекле появились крошечные узоры инея. Но они росли слишком быстро, как голодный зверь, вырвавшийся на свободу. Ледяная паутина стремительно поползла вниз, захватывая раму.

Эля отдёрнула руку, испугавшись своего холода. Магия откликалась на её состояние: не радость или печаль, а трепет ожидания, смешанный с тревогой. Она провела пальцем по одному из узоров, и стекло пошло трещиной.

Я теряю контроль? — пронеслось в её голове, но мысль оборвалась, когда она вспомнила голос Фреда: *«Я просто... чувствую тебя»*. Тревога отступила, сменившись странным, вязким теплом.

На первом этаже Гельвия уже напевала. Её звонкий голос смешивался с мягким стуком фарфора — она накрывала на завтрак. Элеонора улыбнулась. Сестра всегда умела наполнить дом звуками, когда тишина становилась слишком гнетущей. Но сегодня в её голосе появилась новая, едва уловимая нотка — как искра, вспыхнувшая в темноте. Вечер с Роном оставил на её душе тёплый, нежный след.

— Доброе утро, соня, — улыбнулась Гельвия, когда сестра спустилась на кухню, и подвинула ей чашку. — Ты сегодня какая-то... уставшая.

— Просто не выспалась, — отмахнулась Эля, беря кружку. Её пальцы коснулись горячей керамики. В тот же миг пар над чашкой исчез. Поверхность чая покрылась тонкой корочкой льда.

Гельвия застыла, уставившись на ледяной чай.

— Эль... твой чай, — тихо произнесла она.

Элеонора моргнула, глядя на свои дрожащие руки.

— Я... не хотела. Просто рука подвела.

— Всё в порядке? — мягко спросила Гельвия, наблюдая, как сестра ставит чашку на стол. Под дном тут же начали расплзаться тонкие узоры изморози. — Что происходит?

— Ничего, — слишком быстро ответила Эля. — Просто... усталость. Магия нестабильна, мы же давно не практиковали её всерьёз.

— Дело не в практике, — тихо сказала Гельвия, подходя ближе. — Ты думаешь о нём? О Фреде.

Элеонора опустила глаза, чувствуя, как кулон на шее пульсирует, отдавая тёплой вибрацией. Боль в висках усилилась, но она старалась не обращать на это внимания.

— Может быть, — призналась она. — Я не понимаю, Гель. Раньше я боялась, а сегодня... не могу перестать думать о нём. Это нормально? Так быстро?

— Любовь не смотрит на часы, — мягко сказала Гельвия, хотя в её глазах мелькнула тень сомнения. — Но береги себя.

Когда солнце поднялось над лесом, Рон уже стоял у порога отцовской мастерской. Его сердце билось быстрее обычного — не от страха перед работой, а от волнения. Он работал здесь с двенадцати лет, знал каждый инструмент и уголок как свои пять пальцев, но сегодня у него была другая цель.

Мастерская Арта Дансела была местом рождения металла. Среди жара печи, звона молота и аромата раскалённого железа воздух казался плотным и живым. В центре этого царства стояла чёрная наковальня, покрытая следами сотен ударов. Она была сердцем мастерской, и её ритм отзывался в каждой детали.

Дверь скрипнула, и в полумрак вошёл Рон. Арт Дансел стоял у верстака, вытирая руки грубой тряпкой.

— Пап, ты занят? — спросил Рон.

— Нет, сын, уже закончил, — голос отца был мягким, но в нём звучала сила, рождённая многолетним трудом. — Что-то хотел?

— Ты не против, если я займу заднюю печь сегодня вечером? — спросил Рон. — Личное дело...

Арт поднял бровь, и в его глазах промелькнуло понимание.

— Личное дело? — переспросил он с лёгкой отцовской насмешкой.

— Да... Я хотел сделать подарок для Гели. Могу я попробовать выплавить каффы в твоей мастерской?

— Геля? Гельвия Туансед? — переспросил он. — Ну наконец-то! Не зря ты всё детство провёл в кустах возле их дома!

Рон засмеялся, его щёки порозовели.

— Она мне нравится не потому, что она алхимик. Она просто... интересная. На неё смотришь — и хочется улыбаться.

Арт внимательно посмотрел на сына, подошёл ближе, положил тяжёлую ладонь на плечо.

— Ты знаешь, сын, я всегда говорил: металл не врёт. Он помнит намерение сердца, которое направляет руку. Если ты куёшь для неё — куй честно. Не для впечатления. А потому что в этом металле — частичка тебя.

Он отступил, и его взгляд на мгновение смягчился.

— Твоя мать всегда говорила: «Огонь не терпит суеты, но и не прощает робости». Она бы гордилась тобой.

Рон кивнул. В голове всплыл голос мамы, её тёплые руки. «*Сталь, как человек, — говорила она. — Она закаляется не жаром, а тем, что остаётся после него.*»

— Я использую тот лунный металл, что ты подарил мне на день рождения, — сказал он.

Арт кивнул, и в его взгляде отразилась глубокая гордость. Рон открыл ящик и достал небольшой кусочек лунного металла — редкого, дорогого, с лёгким синеватым отливом. Сейчас, держа блестящий кусочек в ладони, он впервые по-настоящему испугался не за себя, а за то, что может подвести её.

— Чувствуй огонь не глазами — кожей, — посоветовал Арт.

Рон бросил металл в огонь. Время тянулось медленно. Когда жар достиг нужной температуры, Рон поднял молот. Его рука дрогнула. Он глубоко вдохнул и вспомнил смех Гельвии, её рыжие волосы, глаза цвета горного озера. И ударил. Звон разнёсся по мастерской — чистый, высокий, почти музыкальный.

Час спустя, когда контуры каффов стали чёткими, Арт кивнул:

— Достаточно. Теперь закалка. Не в воде — в масле. Лунный металл требует мягкости.

Рон погрузил раскалённые украшения в масло. Когда он вынул их, они сияли в полумраке мастерской, словно два язычка пламени, застывших в металле. В центре каждого Арт вставил маленькие рубины — кроваво-красные, глубокие.

— Очень хорошо, — произнёс Арт, беря украшение. — Чувствуется мастерство, но главное — душа.

— Спасибо, пап, — искренне поблагодарил Рон.

Он уже собирался уходить, когда дверь скрипнула. В проёме стоял Фред, освещённый последними лучами утреннего солнца. Его лицо было спокойным, но в глазах цвета весенней листвы сквозила странная отстранённость, которую он тщетно пытался скрыть за улыбкой. Он кивнул Арту и сразу же устремил взгляд на каффы в руках у Рона.

— Привет. Здравствуйте, мистер Дансел, — сказал он.

— Фред, — удивился Рон. — Ты обычно любишь поспать.

— Хотел спросить, не хочешь ли завтра снова пойти к ним, — сказал Фред. Его взгляд задержался на каффах, а пальцы сами потянулись к точным калибровочным щупам, лежащим в стороне. Ему никогда не были интересны точные измерения.

— Какая тонкая работа! — продолжал Фред, и его комплимент прозвучал ровно, без обычного тепла. — Ты всегда был талантливым.

Рон нахмурился. Он знал друга с детства, знал его скупые, но искренние жесты. Сейчас интонация Фреда была... пустой. Словно он говорил по привычке, не вкладывая в слова чувств.

— Ты сегодня какой-то странный, — наконец произнёс Рон. — Всё в порядке?

— Всё в порядке, — ответил Фред, и его улыбка стала шире, но не коснулась глаз. — Я просто рад за тебя. Всё складывается как надо.

Рон хотел спросить ещё, но Фред уже повернулся к выходу.

— Встретимся у беседки, — бросил он и вышел.

Через час Рон направился к беседке на краю деревни. Там, среди старых яблонь, росли пышные кусты сирени. Фред уже был там. Он стоял спиной и срезал ветки, его движения были резкими, неестественно точными.

— Фред, что ты так медленно? Вдруг Геля и Эля куда-нибудь уйдут!

Фред не обернулся.

— Не уйдут, — его голос звучал глухо, словно он говорил сам с собой. — Элеонора каждое утро заваривает чай. Они всегда начинают день вместе и никогда не выходят раньше полудня.

Рон замер. Уверенность в голосе друга была почти пугающей — такой холодной и абсолютной, будто он не предполагал, а знал наверняка.

— Ты так уверен? — переспросил Рон.

Фред наконец обернулся. В его глазах мелькнула тень — не боли, а чего-то другого, чего Рон не мог понять. Но тень исчезла так же быстро, как появилась.

— Мне просто кажется, — легко ответил он, но в его тоне не было лёгкости.

Дом встретил их ароматом свежих яблочных оладий. Девушки уже проснулись. Элеонора заваривала чай, Гельвия стояла у плиты. Солнечные зайчики играли в её рыжих волосах.

— Проходите. Вы как раз к завтраку, — сказала Эля, открывая дверь.

Фред шагнул через порог. В тесной прихожей его фигура вдруг оказалась опасно близко — плечо коснулось косяка, а свободная рука легла на талию Эли. Он наклонился и поцеловал её — не спрашивая, не колеблясь, словно имел на это право. Поцелуй был глубоким, почти жадным, но в нём не было той трепетной дрожи, что бывает у влюблённых.

Элеонора замерла. Внутри неё — ни звука. Только гулкая покорность. Её пальцы легли ему на плечи — не отталкивая, не притягивая. Просто замерли.

Фред отстранился. Его дыхание было ровным.

— Доброе утро, — произнёс он. — Это тебе.

Он вывел букет из-за её спины и вложил в руки. Сирень пахла одуряюще свежо. Слишком свежо.

Элеонора потянулась к цветам, и на мгновение в глубине сознания кольнуло: *«Я не люблю сирень...»* Но мысль оборвалась. Кулон на шее сильно и тяжело пульсировал, заглушая сопротивление.

— Спасибо, — произнесла она с тёплой интонацией, хотя пальцы дрожали.

Гельвия, вышедшая в коридор, заметила Рона. Её лицо озарилось светом.

— Рон! Ты пришёл так рано!

Он замер, пальцы нервно сжали бархатную коробочку. Слова застряли в горле. Вместо этого он молча протянул её.

— Я сделал тут... для тебя, — тихо произнёс он.

Гельвия открыла коробочку и ахнула. На бархатной подушке лежали каффы, похожие на два застывших языка пламени. Лунный металл переливался в утреннем свете. Они слегка покачнулись, и их изгиб казался живым.

Фейра вильнула хвостом. Вокруг уха Гельвии вспыхнули крошечные искры — игривые, как светлячки.

— Ох, Рон... — прошептала Гельвия. Она надела каффы, и те легли так естественно, будто были созданы именно для неё. — Спасибо, — прошептала она. — Это самый красивый подарок в моей жизни.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его. Поцелуй был невесомым, но в нём таилось больше смысла, чем в любых словах.

Прогулка в лес началась с приятного тепла солнца и аромата цветущих яблонь. Рон и Гельвия шли впереди, их шаги будто сливались в единый ритм. У реки Гельвия сняла туфли и побежала босиком по мелководью. Рон последовал её примеру.

Элеонора и Фред шли позади. Фред цитировал стихи, которые Элеонора любила с детства. Откуда он знал их? Он рассказывал о книгах, которые она читала в уединении под старым дубом. Его жесты были безупречны, но в каждом движении чувствовалась какая-то странная отстранённость.

Элеонора шла, погружённая в свои мысли. Образ Фреда не отпускал её. И магия реагировала на это.

Когда они остановились у ручья, Элеонора наклонилась к воде. Поверхность мгновенно покрылась льдом, хотя утро было тёплым.

— Ой, — вырвалось у неё.

— Всё в порядке, Эля, — сказал Фред, мгновенно оказавшись рядом. — Это просто твоя особенность. Ты волнуешься.

— Я не должна была, — прошептала она. — Я не понимаю, что со мной происходит.

— Ты слишком сильно чувствуешь, — произнёс он успокаивающим голосом. — Это дар. Не бойся его.

Она посмотрела на него, и тревога начала отступать. Кулон на шее пульсировал жаром, затуманивая разум.

Он наклонился и поцеловал её. Элеонора ответила сразу, без колебаний.

В этот момент Айси подняла голову и зашипела. Её взгляд был устремлён не на Фреда, а куда-то вдаль, за его спину — туда, где между деревьями лежала тень.

Обратная дорога была тихой. У дома Туансед Гельвия поцеловала Рона — коротко, немного неловко, но искренне. Фред подошёл к Элеоноре. Не спросив разрешения, он обнял её за талию. В этом поцелуе была уверенность, но Элеоноре казалось иначе. Ей чудилось, что она любит его больше жизни.

— До завтра, — произнесла она, чувствуя головокружение.

— До завтра, — повторил Фред.

Дом-лавка Дэвида Ардера стоял на краю деревни. На первом этаже располагалась лавка, полная хитроумных механизмов. У крыльца стояла повозка, запряжённая белой лошастью. Дэвид переносил в телегу последние ящики товара.

— Пап, ты ещё не уехал? — спросил Фред, подходя ближе.

— Нет, собираюсь, — ответил Дэвид. — Помоги перенести оставшиеся товары.

— Я хотел кое-что тебе сказать, — начал Фред. — Мы с Элей вместе.

Дэвид внимательно посмотрел на сына, затем кивнул.

— Элеонора Туансед? К которой ты бегал в детстве?

— Да, она. Почему все видят в сёстрах Туансед только алхимиков? Они не только умны, но и красивы, добры. Особенно Эля.

Дэвид ничего не сказал. Он положил руку на плечо сына и задержал её.

— Слушай своё сердце, Фред, — тихо произнёс он. — Не планы. Не обещания. Сердце. Оно никогда не обманывает — даже когда мы лжём себе.

Фред молчал.

— Я справлюсь, — сказал он, и его слова прозвучали уверенно.

— Удачи тебе, — произнёс Дэвид, возвращаясь к повозке. — Меня не будет несколько дней. Следи за домом и лавкой.

— Конечно, пап.

Повозка тронулась. Фред стоял на крыльце, провожая отца взглядом. Он ощущал, как последняя связь с нормальной жизнью становится тоньше. Он знал, что должен был пойти к Рону, но вместо этого медленно поднялся в свою комнату и закрыл дверь.

В комнате витали запахи книг и воска. Фред подошёл к окну и распахнул ставни. Солнце клонилось к закату, окрашивая мир в золото и багрянец. В этом великолепии он внезапно ощутил пустоту. Он вспомнил Элю и попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Что-то было не так. Что-то в его собственных ощущениях.

В кармане пальцы нащупали засохший лепесток сирени. Фред вынул его и положил на ладонь. Лепесток был бледно-лиловым. Он бережно взял его двумя пальцами — и в этот момент дверь в комнату закрылась сама собой. Свеча на столе вспыхнула ярче, и тень от пламени на стене вытянулась, приобрела очертания высокого человека.

— Ты хорошо поработал, — прошелестел голос из тени.

Фред кивнул. В горле стоял ком — не от жалости, а от чего-то, что он сам не мог назвать.

— Теперь нужно кое-что ещё, — продолжила тень.

— Да, — ответил Фред твёрдо, без дрожи в голосе.

Тень медленно растворилась в закатном свете. Свеча погасла. Фред остался один. Он подошёл к окну и поднял взгляд к небу. Звёзды ещё не появились — но он знал: когда они зажгутся, он уже не сможет отличить их свет от тьмы.

Где-то далеко, в доме Туансед, Айси подняла голову от подушки. Её уши напряглись, ноздри дрогнули. Она посмотрела в окно — в сторону дома Ардеров — и тихо, почти беззвучно, зашипела. В её глазах отразился лунный свет, и в этом отражении читалось предупреждение.

Земля уже знала: буря близко.

Глава 4. Шёпот предков

Лес всегда знал их. Не как чужих, не как прохожих, а как часть себя. Он чувствовал их шаги, как дыхание, их шёпот — как шелест листвы, их смех — как пение птиц на рассвете. Для Элеоноры и Гельвии лес был не просто местом для сбора трав или прогулок. Он был храмом, где душа находила покой, а мысли обретали ясность. Здесь, среди вековых дубов и тихих ручьёв, время текло иначе: не в часах и минутах, а в ритме сердца, в пульсе соков под корой, в дыхании земли, просыпающейся после зимнего сна.

Солнце, только что поднявшееся над горизонтом, мягко скользило сквозь густую листву дубов, создавая на земле узоры из золотых бликов и тени. Воздух наполняли ароматы хвои, влажной земли и цветущего чабреца — того самого, который Эля собирала с особым трепетом. Его запах напоминал ей о детстве: о босых ногах, о бабушкиных коленях и о вечерах, когда мир казался простым, а волшебство — лишь игрой воображения.

Сёстры шагали по знакомой тропинке, почти не разговаривая и не спеша. Но между ними витало нечто, что требовало слов. Не шуток, не обычных разговоров, не обсуждений новых зелий. Это было что-то более глубокое. Что-то, что зародилось в ту ночь, когда их магия вырвалась на свободу, не вызванная алхимическим кругом. В тот момент в них что-то дрогнуло — не просто тепло или трепет в груди. Это было нечто большее: словно дверь, запертая на пятнадцать лет, наконец приоткрылась, и из-за неё потянуло холодом древних лесов и жаром забытых костров.

Элеонора шла машинально, её взгляд то и дело опускался к серебряной цепочке на шее. Пальцы непроизвольно тянулись к кулону, и каждый раз, когда они касались гладкого металла, в голове возникал образ Фреда. Это желание думать о нём больше походило на физическое ощущение — тёплый пульс в груди, заглушающий шум леса. Она невольно прислушивалась не к птичьему щебету, а к шагам позади, надеясь услышать его голос. Даже в тишине она представляла, чем он занят, о чем говорит, смотрит ли он на солнце так же, как она.

— Ты тоже об этом думаешь? — спросила Элеонора, не глядя на сестру. Её голос звучал тихо, почти шёпотом, словно она боялась, что лес услышит и не одобрит. Мысли о Фреде на мгновение отступили, но стоило ветру коснуться шеи, как они вернулись, настойчивые и сладкие.

Гельвия улыбнулась, не сводя глаз с тропы. Её рыжие волосы горели, как живое пламя, — такие же непокорные, как её характер.

— О том, что наши силы вернулись? — спросила она.

— Да, — ответила Эля, прижимая ладонь к груди. — Это не случайность. Бабушка знала. Почему она ничего не сказала?

Вопрос повис в воздухе, густой, холодный, неотступный. Обе ощущали: за ним скрывалось не просто любопытство. Что-то важное от них утаивали. Не из жестокости — из страха.

— Гель, — Элеонора остановилась и повернулась к сестре. Её всегда спокойные глаза теперь горели решимостью. — Нам нужно отыскать её дневник.

Гельвия кивнула. Эта мысль уже давно не давала ей покоя. Просыпаясь ночью, когда Фейра, сжавшись в клубок у изголовья, вдруг открывала глаза и пристально смотрела в темноту, словно слышала что-то недоступное человеческому уху.

Они снова пошли вперёд, увереннее и решительнее. Лес приветствовал их: ветер стал ласковее, птицы запели громче, травы зашептали щедрее. Они наполнили корзины целебными растениями. Элеонора собрала чабреца больше обычного, надеясь, что его пряный аромат заглушит навязчивое желание вернуться и увидеть Фреда, которое пульсировало в такт каждому шагу.

Когда они вышли из леса, солнце клонилось к закату, окрашивая небо в мягкие персиковые и лиловые оттенки. Прежде чем вернуться домой, сёстры направились к площади — им нужны были ингредиенты.

Площадь Уреффиса встретила их приглушённым гулом, запахом свежего хлеба и пряностей. Сёстры прошли мимо рядов и свернули к маленькому домику — лавке мисс Розенберг. Та была не просто торговкой, а хранительницей знаний, которые не умещались в книгах. Лавка пахла древними тайнами, завёрнутыми в пергамент. На стенах висели стеклянные банки с засушенными травами, склянки с эликсирами и амулеты из костей и камней. Всё здесь дышало магией земли, крови и памяти.

Мисс Розенберг сидела за прилавком, медленно перебирая сушёные корни. Её пальцы, унизанные необычными кольцами, двигались почти ритуально. Когда сёстры вошли, женщина подняла голову. Её тёмные глаза, как угли в ночном костре, на мгновение расширились.

— Здравствуйте, мои хорошие, — сказала она, и в её тихом голосе звучала сталь. — Опять за компонентами для алхимии?

— Да, как обычно, — ответила Гельвия. В её голосе чувствовалась напряжённость. — Двести грамм селитры и триста грамм соли. У вас есть?

Мисс Розенберг молча кивнула и начала отмерять порошки в маленькие мешочки из грубой ткани. Её движения были точны, как у часовщика. Когда она протянула мешочки Элеоноре, её пальцы на миг коснулись ладони девушки. Обе вздрогнули. В этом прикосновении промелькнуло что-то невыразимое.

— Осторожнее с тем, что ищете, девочки, — прошептала женщина, и её взгляд скользнул к шее Элеоноры. На мгновение в глазах старухи мелькнуло узнавание и страх, но она тут же отвернулась, будто увидела нечто запретное. — Некоторые правды не прощают, что их узнали.

Эля ощутила, как по спине пробежал холодок. Инстинктивно она схватилась за шею, чувствуя тёплое прикосновение камня. Пальцы слегка дрогнули, и деревянная поверхность прилавка мгновенно покрылась белым инеем. Кулон дёрнулся, словно живая рыба на крючке, и на секунду ей стало трудно дышать. Внезапно лавка показалась ей душной клеткой. Ей захотелось выбежать на улицу, вдохнуть свежий воздух и побежать домой — вдруг Фред уже ждёт её у калитки? Эта мысль пульсировала в голове, заглушая предупреждения старухи.

— Сто три спринка, — произнесла мисс Розенберг, не глядя на них.

Они расплатились, поблагодарили и вышли на улицу. Солнце почти коснулось горизонта, и тени домов вытянулись, словно длинные пальцы.

— Она увидела, — тихо сказала Гельвия, сжимая мешочки. — Поняла, что мы ищем.

— И предостерегла нас, — добавила Эля, не убирая пальцев от кулона. — «Не прощают, когда узнают». Что это значит, Гель?

Сестра молчала. В её глазах отражался страх. Но не перед правдой. Она боялась, что правда окажется слишком тяжёлой для них.

Дом встретил их тишиной и ароматом мяты. Они разложили травы на столе с аккуратностью, словно готовились к ритуалу. Каждая минута тянулась невыносимо медленно. Элеонора то и дело поглядывала в окно, её взгляд скользил к калитке.

— С чего начнем? — спросила она, усилием воли возвращая внимание к сестре.

— С библиотеки, — ответила Гельвия.

Библиотека Агнес была особенной комнатой, почти вселенной. Её стены, от пола до потолка, были уставлены полками. Здесь хранились не только книги по алхимии, но и древние фолианты на неведомых языках, карты забытых земель, свитки с пророчествами. В воздухе витал запах воска, пыли и чего-то неуловимого, что вызывало мурашки на коже. Время здесь словно замедляло свой ход.

Сёстры зажгли три свечи и встали у противоположных стен. Фейра устроилась у двери, её уши были настороже. Айси запрыгнула на подоконник и уставилась в лес, её зрачки превратились в две узкие вертикальные щели.

Гельвия предложила начать с «Алхимии стихий».

— Нет, — покачала головой Эля, чувствуя странную тяжесть в голове. Ей казалось, что мысли путаются, стоит лишь попытаться сосредоточиться на чём-то серьёзном. — Начни ты. Я... посмотрю на полках у окна.

Гельвия удивлённо подняла бровь, но не стала спорить. Она подошла к стеллажу с трёхтомниками. Первый том был пуст. Во втором — только давно знакомые рецепты. Когда она вынула третий том, внутри что-то шевельнулось. Тонкий листок пергамента упал на пол.

Гельвия подняла его. На листке, бабушкиным почерком — изящным, но с заметным дрожанием — было выведено: «Не ищите правду в словах тех, кто молчал. Истина кроется там, где сердце помнит, а разум забыл».

— Эля, смотри! — позвала она.

Элеонора подошла, но взгляд её был рассеянным. Она прочитала записку, но смысл слов будто ускользал от неё, скользя по поверхности сознания.

— Она знала, что мы придем сюда, — прошептала Гельвия. — Знала, что начнем с книг. И оставила нам ключ... но не саму дверь.

— «Где сердце помнит, а ум забыл», — повторила Гельвия, чувствуя, как внутри всё холодеет от догадки. — Я знаю, где это.

Она посмотрела на сестру. Эля молчала, её взгляд снова скользнул к окну, к темнеющему небу. Гельвия настойчиво взяла её за руку.

— Её комната, Эль. Это всегда была её комната.

Комната Агнес всегда была для них особенным местом. Даже после её ухода они редко заходили сюда. Всё оставалось так, как при её жизни: кресло у окна с пледом на спинке, старинные часы, которые продолжали тикать. В воздухе витал запах лаванды и мёда.

Гельвия сразу подошла к креслу, где в последние дни сидела бабушка. Она опустилась на колени и провела ладонью по полу. Пальцы нащупали едва заметную щель. Айси подбежала к этому месту и начала царапать доску, издавая низкое урчание. Фейра встала рядом, её хвост тревожно вспыхнул.

— Здесь, — уверенно сказала Гельвия.

Она осторожно вставила пальцы в щель и потянула. Доска легко поднялась. Под ней лежала коробка из чёрного камня, тёплая на ощупь.

Эля стояла рядом, но не помогала. Она смотрела на коробку, и на её лице читалась странная отрешённость. Её рука лежала на кулоне, пальцы машинально поглаживали его поверхность.

— А вдруг там правда, которую лучше не знать? — тихо спросила Гельвия, чувствуя, как сомнения ледяными пальцами сжимают сердце. — Может, мы к этому не готовы?

Элеонора моргнула, словно очнулась. Она сжала руку сестры, и между их ладонями вспыхнула искра. Это простое прикосновение словно наполнило её силой.

— Мы готовы, — произнесла она. — Потому что мы вместе.

Она подняла коробку. Крышка легко открылась. Внутри лежали дневник в потрёпанной кожаной обложке и книга под названием «Запретная алхимия», чьи страницы мерцали, как звёздная пыль.

Элеонора взяла дневник. Кожа обложки была мягкой, почти живой. Она открыла первую страницу. Бумага пожелтела, но чернила сохранили глубину цвета. Первая запись датирована пятнадцатью годами назад: «Сегодня я начала обучать девочек алхимии. Они даже не догадываются, что являются носительницами крови Изабеллы Туансед. Сила, что течёт в их

жилах, неподвластна даже богам, но она требует цены. Проклятие не дремлет. Оно ждёт в тени их чувств. И когда они полюбят по-настоящему — оно ударит».

Воздух в комнате стал тяжёлым. Элеонора читала, и с каждым словом холод внутри нарастал. По её запястью пополз иней — не ровный узор, а хаотичные, острые иглы. Лёд трещал, распространяясь по столу. Она попыталась сжать ладонь, но пальцы не слушались.

— Эль, остановись! — Гельвия протянула руку, и над её ладонью вспыхнул ровный огонь, согревая запястье сестры.

Элеонора вздрогнула, выходя из транса. Лёд медленно отступил. Она судорожно вздохнула и коснулась кулона. Камень был тёплым, и это знакомое тепло разлилось по груди, заглушая остаточный страх. Мысли о проклятии вдруг показались ей далёкими, неважными. Главным было здесь и сейчас. То ощущение безопасности, которое дарил этот камень. И тот, кто его подарил.

— Всё в порядке, — голос Эли звучал отрешённо. — Просто... текст слишком эмоциональный.

— Это не драматизм, — Гельвия нахмурилась. — Твоя магия реагирует, будто ты под атакой. Лёд становится агрессивным. Это нестабильность, Эля.

— Я просто устала. — Элеонора перевернула страницу, избегая взгляда сестры. Кулон на шее мягко пульсировал, навязчиво напоминая о себе.

Гельвия пробежала глазами следующие строки: *«Проклятие привязано не к крови, а к воле того, кто его наложил. Разорвать цепь можно, лишь уничтожив кузнеца»*. Её сердце ухнуло вниз. Она перевела взгляд на сестру, но та смотрела в окно, где сгущались сумерки. Её пальцы бездумно гладили кулон.

— Она молчала, чтобы защитить нас, — сказала Гельвия, и в её голосе звучала глубокая тревога. — Но меня беспокоит ты. Твоя магия... она будто живёт своей жизнью. Это не похоже на тебя.

— Это всё проклятие, — отмахнулась Элеонора, ища опору в тепле камня. — Пока не поймём, как его снять, будем осторожнее.

Гельвия хотела возразить, сказать, что дело не только в проклятии, но осеклась. Она посмотрела на пульсирующий кулон на шее сестры, на её отстранённый взгляд, и внутри зародилось нехорошее предчувствие. Эля словно была не совсем здесь. Будто что-то глушило её интуицию, её голос разума.

— Мы не будем посвящать их в детали, — решила Элеонора, не замечая тревоги сестры. — Рон и Фред не должны знать. Пока мы не найдём способ всё исправить.

Гельвия кивнула, но её глаза оставались серьёзными. Она захлопнула коробку с дневником.

— Вот так новость, — пробормотала она. — Позже всё перечитаем. Спокойно. А ты попробуй отдохнуть. Без магии.

Тем временем на другой стороне деревни Фред и Рон шли по площади. Вечер был прохладным, в руках у них были стаканы с глинтвейном.

— Такой же, как Элеонора, да? — пошутил Рон.

— А тебе тепла Гельвии не хватает? — парировал Фред, и Рон на мгновение почудилось, что в голосе друга нет привычного тепла. Только странная, колючая пустота.

— Может, они сами не знают, откуда у них эти силы? — задумчиво произнёс он, глядя на звёзды.

Фред не ответил сразу. Он посмотрел на свой стакан, где в тёмной жидкости отражался лунный свет. Ответ прозвучал ровно, без какой-либо интонации:

— Они знают больше, чем говорят.

Рон нахмурился, уловив фальшь. В голосе друга не было обычной лёгкости. Но прежде чем он успел спросить, Фред рассмеялся — немного громче и дольше, чем следовало.

— Шучу! — он хлопнул друга по плечу. — Девушки есть девушки. Лучше не давить. Пусть сами расскажут.

Рон кивнул, списывая странность на усталость, и перевёл разговор на вино. Фред улыбнулся, поднимая стакан в тосте. Но в его глазах не было жизни. Только холодная пустота, которую Рон, поглощённый беседой, просто не заметил.

В тот миг, когда Эля прочитала строки о проклятии, на краю деревни, в тени старого дуба, вздрогнул мужчина с белыми волосами. Кровь в его жилах закипела — не от ярости, а от древнего узнавания. Он почувствовал, как две нити, дремавшие пятнадцать лет, наконец дрогнули. Наследие Туансед вспомнило, кто оно есть.

— Наконец-то, — прошептал он, и тени вокруг сгустились, обретая зубы и когти. — Кровь пробуждается.

Его глаза вспыхнули кроваво-красным. Лес отступил от него, как от хищника. Он исчез в темноте, но его присутствие осталось — холодное, как лезвие у горла.

Элеонора заварила ромашковый чай. Она смотрела на поднимающийся пар и думала о том, что правда — это зеркало, в котором отражаются все, кого ты любишь, даже если они не готовы увидеть своё отражение. Её пальцы снова коснулись кулона. Тепло камня было таким успокаивающим. Ей нужно было увидеть Фреда. Прямо сейчас. Это желание было сильнее прочитанных строк, сильнее любого страха. Единственным якорем в мире, который вдруг стал зыбким.

Гельвия сидела у окна, глядя Фейру. Лиса мурлыкала, как кошка, но в её глазах читалось предостережение. Она смотрела на сестру — на то, как та лихорадочно сжимает чашку, как её взгляд то и дело скользит к двери.

За окном сгушались сумерки. В комнате горел тёплый свет. И где-то в глубине леса бело-волосый маг улыбался, зная, что игра только началась.

Глава 5. Эхо семи веков

Дыхание ночи — это шелест листвы над тропинками, что вели к древним камням; это шорох невидимых зверей, прячущихся в гуще елового леса; это тихий, почти священный шёпот ручья, стекающего с холмов. Но в эту ночь в этом дыхании появилось нечто иное — нечто чужеродное, холодное, как лезвие, приставленное к горлу спящего.

В самой глубине чащи, там, где даже свет луны не решался проникнуть без разрешения, стоял человек. Его фигура, облачённая в чёрную мантию, сливалась с тенями так органично, что казалось, будто он и есть их порождение. Он был высок, но не внушитель — скорее, опасен своей неподвижностью, своей абсолютной уверенностью в том, что его никто не видит и не услышит.

— Скоро я нанесу вам более торжественный визит, ведьмы Туансед, — произнёс он, и его голос, несмотря на тишину, прозвучал не как шёпот, а как обещание. Обещание, вырезанное на кости.

Он медленно снял капюшон. Белоснежные волосы, словно первый снег на погребальном костре, мягко упали ему на плечи. Его лицо было молодым — черты чёткие, кожа гладкая, почти мраморная. И всё же в глазах, глубоких и серых, как затопленные колодцы, жила вечность. Это были глаза того, кто видел падение империй, кто наблюдал, как рождаются и гаснут звёзды, кто знает цену каждой капле крови, пролитой во имя любви или мести.

На мгновение эти глаза вспыхнули. Не метафорически — буквально. Кроваво-красный огонь, короткий и яростный, промелькнул в их глубине, будто демон, запертый внутри, попытался вырваться на свободу. Затем всё вернулось в норму: серость, холод, пустота. Но этого мгновения было достаточно, чтобы любой, кто случайно взглянул бы на него, почувствовал, как по спине ползёт ледяной мурашек страха, а сердце замедляет свой бег, будто пытаясь стать незаметным.

Внезапно из темноты раздалось карканье. Острое, резкое, как удар кинжала. Из-за ветвей, будто материализовавшись из самого воздуха, на плечо мага опустился огромный ворон. Его перья были чёрнее самой ночи, а глаза-бусинки сверкали зловещим умом. Птица слегка приоткрыла клюв, и в её взгляде читался не просто вопрос, а требование.

— Зачем я жду? — повторил маг, обращаясь к птице, и в его голосе не было ни капли насмешки. Он говорил с ней так, будто она была не зверем, а равным. — Ты знаешь ответ так же хорошо, как и я.

Он замолчал, глядя на дом Туансед, чьи очертания едва угадывались сквозь деревья. В его взгляде не было ненависти. Было что-то хуже — терпеливое, хищническое ожидание. Он знал, что его время придёт. Он знал, что они сильны. Но он также знал, что сила, рождённая в любви, всегда несёт в себе семя собственной гибели.

Элеонора резко села на кровати, задыхаясь. Её сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди. Пот на лбу был холодным, а в ушах ещё звучал мягкий, печальный голос.

— Эля, внученька, ты слышишь меня?

Крик Элеоноры разрезал ночную тишину. Гельвия, чья кровать стояла у противоположной стены, мгновенно среагировала на испуг сестры: она резко соскочила с постели и подбежала к Эле, хватая её за плечи.

В комнате снова стало тихо. Лунный свет, проникающий сквозь занавески, рисовал на полу причудливые узоры. На кровати, уткнувшись мордочкой в ладонь Эли, лежала Айси, а у изголовья, прищурившись, наблюдала Фейра.

— Это был сон... — прошептала Эля, пытаясь успокоить дыхание. Но она знала, что это была не просто греза. Это было послание.

— Ты чего кричишь, Эль? Кошмар что ли приснился? — голос Гельвии дрогнул, но в её взгляде не было сонливости, только мгновенная ясность и тревога. — Ты меня, Фейру и Айси переполошила.

Элеонора глубоко вздохнула, чувствуя, как по коже пробегает дрожь.

— Мне приснилась бабушка, — тихо сказала она. — Она... она сказала, что мы должны найти комнату Изабеллы Туансед. Основательницы нашего рода. Только она сможет рассказать нам всю правду.

Гельвия крепче сжала плечи сестры, успокаивая её.

— Хорошо, будем искать, — сказала она решительно. — Но давай утром. Сейчас ночь, и мы обе вымотаны.

Эля кивнула, хотя сон уже был невозможен. Она встала, и там, где её босые ступни коснулись пола, мгновенно расцвели белесые узоры инея. Айси тут же последовала за ней, осторожно обходя холодные следы. Девушка медленно сошла по лестнице, оставляя на деревянных ступенях замерзающие отпечатки. Дом был тих, но не мёртв. Он жил. Он помнил.

Она прошла в гостиную, провела ладонью по стене. Дерево было шершавым, тёплым от дневного солнца, которое ещё хранило своё тепло, но под её пальцами тепло угасало, уступая место холоду. Тонкая паутина изморози поползла от её ладони в стороны, пугающе контрастируя с уютным интерьером.

— Где бы могла находиться тайная комната могущественной ведьмы? — прошептала она, обращаясь к Айси. Её голос повис в воздухе маленьким облачком пара.

Кошка мяукнула в ответ, её сапфировые глаза смотрели на хозяйку с такой серьёзностью, будто она действительно понимала вопрос. Айси потерлась о ногу Эли, но тут же отпрянула от непривычного холода, исходящего от девушки.

— Дом менял только своё местоположение, но сам не был изменён, — повторила Эля слова из сна. — Что это значит? Как это может помочь?

Она вспомнила, как бабушка Агнес иногда говорила, что дом «вырос» вокруг них, что он «помнит». Тогда Эля думала, что это просто красивая метафора. Теперь она понимала: это была правда.

Если дом не менялся, значит, все его секреты, все его тайники остались на своих местах. Но как их найти? Ведьмы должны знать какие-то заклинания, какие-то ключи...

Решимость вспыхнула в ней. Она направилась в комнату Агнес. Сердце её билось быстрее с каждым шагом, а выдыхаемый воздух превращался в маленькие облачка пара. Она открыла дверь.

Комната была точно такой, какой её оставила бабушка. На стенах — гравюры, на подоконнике — горшки с засушенными цветами, на столе — аккуратно сложенные бумаги. Всё было на своих местах, всё было пропитано её присутствием.

Эля подошла к книжным полкам. Её пальцы скользили по кожаным переплёткам, по пыльным корешкам, оставляя на них лёгкий снежный налёт. Она искала не информацию, а ощущение. Она искала ту книгу, которая отзовется на её прикосновение.

Но ничего не происходило. Только пыль оседала на её пальцах, да тишина смотрела на неё со всех углов.

Разочарование, тяжёлое и горькое, накрыло её. В комнате резко понизилась температура, и на оконном стекле вспыхнули ледяные узоры, словно реагируя на её эмоции. Она не была готова к этому. Она думала, что всё будет проще.

— Может, мы с Гелей должны искать вместе? — прошептала она, обращаясь уже не к кошке, а к самой себе.

Она знала, что это так. Магия их рода была основана на единстве. Огонь и лёд. Сёстры-двойняшки. Только вместе они были целыми.

С тяжёлым вздохом она покинула комнату. Усталость, накопившаяся за день, наконец взяла верх. Она вернулась в спальню и легла в постель, ткань одеяла покрылась лёгким инеем, но сон, долгожданный и глубокий, накрыл её, как тёплое одеяло.

Но даже во сне её разум не прекращал искать. И где-то на границе между мирами, в тишине, рождался ответ.

Утро в доме Туансед никогда не начиналось с будильника. Оно приходило мягко, почти незаметно — как первый луч света, скользнувший по краю занавески, или как шорох лап Айси по деревянному полу. В этот день оно было особенно ярким: майское солнце, ещё не обременённое зноем, заливало комнату через старинные витражи, превращая пылинки в воздухе в золотистую пыль, а простые вещи — в предметы магии. На стенах плясали отблески розового и янтарного, будто сам дом дышал утренним светом.

Элеонора проснулась не от звука, а от ощущения. Солнечный зайчик, упрямо щекочущий её веки, казался почти живым — как будто кто-то невидимый пытался разбудить её для чего-то важного. Она медленно открыла глаза, чувствуя, как тело отзывается на пробуждение лёгкой истомой, а разум — тревожным эхом прошлой ночи. Сон с бабушкой Агнес всё ещё висел в сознании, как дым над костром: неосязаемый, но плотный, полный недосказанных слов и предостережений.

Она повернула голову. Гельвия спала, уткнувшись лицом в подушку, её рыжие пряди рассыпались по белоснежной наволочке. Даже во сне она выглядела живой — не просто дышащей, а пульсирующей энергией, будто её тело помнило, что оно состоит из пламени.

Айси, свернувшись клубком у ног Эли, внезапно потянулась, выгнув спину в изящной дуге. Её сапфировые глаза встретились с хозяйкиным взглядом.

Элеонора улыбнулась. Это была улыбка без слов, но полная благодарности — или, по крайней мере, того, что она сама принимала за благодарность. Она встала, стараясь не скрипеть половицами, и направилась к туалетному столику. Зеркало, обрамлённое серебряной инкрустацией в виде лиан, отразило её уставшее, но спокойное лицо. Взгляд невольно притянулся к кулону, который она до сих пор не снимала. Серебристое сердце лежало на коже чуть теплее, чем должно было быть украшение из металла. В последнее время мысль о том, чтобы снять его, даже не приходила ей в голову — словно эта возможность просто исчезла из круга доступных решений.

Она провела расчёской по своим каштановым волосам, наблюдая, как они падают на плечи мягкими волнами. Всё в ней стремилось к порядку — даже в хаосе. Это было её оружием и её бронёй. Но в последнее время ей всё чаще казалось, что её порядок обращается в хаос сам по себе.

Спустившись на кухню, она ощутила аромат — не трав, не воска, не алхимических реагентов, а чего-то нового: кофе. Чёрного, горьковатого, с ноткой карамели. Она заварила себе чашку, добавила молоко и, сделав первый глоток, почувствовала, как тепло разливается по телу.

— Похоже, я поняла, какой у меня любимый напиток, — произнесла она вслух, и её голос прозвучал странно — то ли от радости, то ли от грусти.

В этот момент на лестнице послышались шаги. Лёгкие, почти невесомые, но уверенные. Гельвия появилась в дверях, завернутая в домашний халат цвета заката, с волосами, собранными в небрежный хвост. Её глаза, обычно такие яркие, были слегка прищурены от сна, но уже искрились любопытством.

— Неужели ты всё-таки решила встать? — спросила Элеонора, не отрываясь от чашки.

— Как тут не встать, когда блинчиками пахнет на весь дом? — ответила Геля, подходя ближе. Её взгляд упал на кофе. — И кофе? Ты чего это вдруг? Ты же его никогда не пила.

— Да, что-то захотелось попробовать, — сказала Эля, протягивая сестре свою чашку. — Очень вкусный. Будешь? Я ещё молоко и карамель добавила. Это нечто.

Гельвия сделала лишь маленький глоток, сразу поморщилась и решительно отставила чашку обратно.

— Фу, гадость. Не понимаю, как ты это пьёшь. И зачем тебе вообще понадобился кофе вместо нашего чая?

Элеонора улыбнулась, скрывая замешательство, и налила ей зелёного чая с земляникой — их совместное изобретение, рецепт которого они вывели ещё в детстве. На столе появились блинчики, сгущёнка, варенье из лесной малины. Они сели друг напротив друга, и на мгновение всё стало как раньше: две сестры, уют, смех, безопасность.

Но потом Гельвия вздохнула, переводя взгляд с сестры на покрытую инеем чашку.

— Ты уже несколько дней какая-то... не своя, Эль. Даже вещи вокруг тебя реагируют странно, — в её голосе звучала осторожность. — Тебя что-то гнетёт?

— Просто не выпалась, — солгала Эля, чувствуя, как холодный камень на груди пульсирует в такт сердцу.

— Надеюсь, это всё, — Гельвия серьёзно посмотрела на неё, и её взгляд утратил лёгкость. — Потому что нам нужна полная концентрация. Мы должны сосредоточиться на том, что нас ждёт. На комнате Изабеллы.

Элеонора кивнула, машинально отодвигая свою чашку. В тот же миг поверхность кофе покрылась тонкой корочкой льда, а по стенкам фарфора побежали ледяные узоры.

— Да. Пора браться за дело.

После завтрака, покормив Айси и Фейру (та, как всегда, сначала осмотрела каждую крошку, прежде чем начать есть), сёстры поднялись в свою комнату. Там, на комод, стояла чёрная каменная коробочка, которую они нашли под половицей в комнате Агнес. В ней покоились два сокровища: дневник бабушки и древняя книга с запрещёнными рецептами алхимии.

— Давай снова прочитаем дневник и изучим запрещённые рецепты, — предложила Гельвия, беря книгу в руки. Её пальцы осторожно коснулись кожи переплёта, и она почувствовала лёгкое покалывание — не боль, а скорее... признание. — Мне всегда было интересно увидеть круг, с помощью которого создают химер.

Элеонора усмехнулась.

— Какой необычный интерес. Хотя... откуда ещё можно узнать, почему, например, запрещена трансмутация человека?

— И это я обладаю сомнительными интересами? — возмутилась Геля.

— Не принимай близко к сердцу. Я же просто шучу, — сказала Эля, забирая дневник.

Они устроились на кровати: Гельвия — с книгой, Элеонора — с дневником. Свет из окна падал прямо на страницы, делая чернильные строки почти живыми.

Книга оказалась старше, чем они могли представить. На титульном листе, выведенном золотом, значалось имя: Даррел Хельсен. Сам основатель алхимии. Гельвия ахнула.

— Ты только представь! Автор этой книги — сам Даррел Хельсен! Сколько же веков ей может быть?

Элеонора, не отрываясь от дневника, задумчиво произнесла:

— Наверное, она принадлежала Изабелле. Возможно, она была лично знакома с Даррелом. Или книга передавалась вместе с философскими камнями. Она хорошо сохранилась... и, может быть, на ней какое-то заклятие.

Гельвия листала страницы, и её брови всё больше хмурились.

— Забавно, что для большинства рецептов требуются самые простые и дешёвые ингредиенты — буквально до десяти тринков. Круги тоже несложные. Но проблема в том, что любое из этих заклинаний может стоить жизни алхимику. И даже философский камень не сможет помочь.

— Поэтому они и запрещены, — сказала Эля, закрывая дневник. — Эти заклинания опасны. Видимо, люди раньше часто прибегали к ним... поэтому и осталось так мало алхимиков.

Она не чувствовала того трепета, который испытала, узнав, что они ведьмы. Дневник Агнес был тихим, почти обыденным: записи о погоде, о сборе трав, о том, как девочки впервые правильно начертили круг. Только в самых ранних записях мелькали строки о страхе, о проклятии, о том, как трудно было молчать. Но ответов на главные вопросы — нет. Только намёки. Только боль.

— Видимо, на все вопросы нам может ответить только сама Изабелла, — прошептала она.

Гельвия отложила книгу и задумчиво посмотрела на сестру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.